

ПОТРАСАЮЩЕ!
THE NEW YORK TIMES

МАЙКЛ
КОННЕЛЛИ

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ 80 000 000 КНИГ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

ПО СЦЕНАРИЮ
МАФФИИ

РАССЛЕДУЕТ ГАРРИ БОСХ

Гарри Босх

Майкл Коннелли
По сценарию мафии

«Азбука-Аттикус»

1996

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Коннелли М.

По сценарию мафии / М. Коннелли — «Азбука-Аттикус»,
1996 — (Гарри Босх)

ISBN 978-5-389-22957-0

В багажнике «роллс-ройса» с двумя пулями в затылке найден Тони Алисо, владелец голливудской киностудии и заядлый картежник. Судя по всему, он стал жертвой мафиозного налета. Чтобы отработать версию убийства за карточные долги или махинации, детектив полиции Лос-Анджелеса Гарри Босх отправляется в Лас-Вегас. В ходе расследования выясняется, что незадолго до смерти киношника видели за покерным столом с некой Элиной Уиш – бывшим агентом ФБР, бывшей заключенной... и бывшей любовью всей жизни Гарри. Внезапно это дело становится для Босха очень личным, и теперь ему приходится «держаться ближе к телу». А между тем у него прибавляется врагов, и это не только головорезы из Вегаса, но и кое-кто из отдела внутренних расследований полиции. Но когда Босха останавливала опасность?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-22957-0

© Коннелли М., 1996
© Азбука-Аттикус, 1996

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Майкл Коннелли

По сценарию мафии

Michael Connelly
Trunk Music

© А. А. Соколов, перевод, 2007

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

* * *

Посвящается моему редактору Майклу Питчу

Часть первая

Босх слышал музыку, когда ехал по Малхолланд-драйв по направлению к перевалу Кауэнга. Обрывки струнных фраз и случайные всплески духовых, отражаясь от окружающих дорогу, иссушенных летним зноем холмов, искажались доносившимся с Голливудского шоссе шумом автомобилей. Он не узнал мелодию, но не сомневался, что двигается по направлению к ее источнику.

Босх притормозил, заметив у спуска на гравийную дорогу машины: два полицейских седана и патрульный автомобиль. Он пристроил свой «каприс» за ними и вышел. На крыло патрульного автомобиля облокотился полицейский, а от бокового зеркальца к дорожному указателю на противоположной стороне дороги тянулась желтая пластиковая лента. В Лос-Анджелесе для ограждения мест преступлений их требуется очень много. Черные буквы на белом фоне указателя почти скрылись под паутиной граффити. Босх прищурился и разобрал надписи:

Пожарное управление
Лос-Анджелеса. Пожарный контроль.
Дорога обеспечения пожарной безопасности.
Проезд запрещен! Не курить!

Заметив Босха, полицейский, здоровенный малый с опаленной солнцем кожей и торчащими ежиком белобрысыми волосами, выпрямился. Но Босху бросился в глаза не только его рост: на поясе полицейского висела дубинка, ее конец облупился и был в царапинах, из-под черной краски блестел алюминий. Уличные громы с гордостью носили потрепанное в сражениях оружие, демонстрируя его как недвусмысленное предупреждение. Этот коп, очевидно, крушил головы направо и налево. Значок над его нагрудным карманом сообщал, что фамилия полицейского – Пауэрс. Хотя сумерки сгущались, он смотрел на Босха сквозь солнцезащитные очки, и в стеклах отражались темнеющие оранжевые облака. Такие закаты напоминали Босху зарево пожаров, случившихся несколько лет назад.

– Гарри Босх? – с легким удивлением проговорил Пауэрс. – Когда вы вернулись на службу?

Прежде чем ответить, Босх присмотрелся к полицейскому. Он видел его впервые, но это ничего не значило: историю Босха прекрасно знали в Голливудском отделении полиции.

– Только что. – Он не протянул руки: на месте преступления не принято обмениваться рукопожатиями.

– Значит, первое расследование с тех пор, как снова при деле?

Босх вынул сигарету и закурил. Курение в Голливудском отделении полиции не одобрялось, но его это не волновало.

– Вроде того. Кто на месте преступления?

– Эдгар и новенькая. Как ее там...

– Райдер?

– Мне без разницы.

Босх не стал развивать тему. Он догадывался, что скрывалось за презрительной позой патрульного. Не важно, что Кизмин Райдер обладала блестящими способностями и слыла опытным детективом. Пауэрсу на это наплевать, даже если бы Босху вздумалось просвещать его на сей счет. Полицейский полагал, что носит синий мундир, а не значок детектива по одной лишь причине: в эпоху продвижения женщин и представителей национальных меньшинств по

служебной лестнице ему не повезло родиться белым мужчиной. Это болячка, которую лучше не расчесывать и оставить в покое.

Он расценил молчание Босха как несогласие и недовольно буркнул:

– Они сказали, что, когда приедут Эмми и Сид, их можно пропустить. Наверное, покончили с делом. Так что вы тоже можете проехать, а не топтать пешком.

Босх не сразу сообразил, что речь идет о судмедэксперте и криминалисте отдела технических экспертиз. Полицейский упомянул о них так, словно эту парочку пригласили на пикник.

Босх бросил на землю недокуренную сигарету и тщательно растер подошвой. Не хватало еще в свой первый день возвращения на детективную стезю стать причиной пожара.

– Лучше прогуляюсь. Что насчет лейтенанта Биллетс?

– Пока не появлялась.

Босх шагнул к машине и через открытое окно достал кейс. Затем снова приблизился к Пауэрсу:

– Вы его нашли?

– Я. – Полицейский явно гордился собой.

– Как вам удалось открыть машину?

– У меня всегда при себе линейка. Просунул за стекло и открыл, потом заглянул в багажник.

– Почему?

– Запах. Несло так, что все стало ясно.

– Надевали перчатки?

– Нет. Не было при себе.

– До чего-нибудь дотрагивались?

Пауэрс на мгновение задумался.

– До дверной ручки, до замка багажника.

– Эдгар или Райдер сняли с вас показания?

– Нет.

Босх кивнул:

– Вот что я вам скажу, Пауэрс. Понимаю, вы гордитесь собой. Но в следующий раз не открывайте машину. Все мы хотим быть детективами, но не каждый им становится. Подобные действия осложняют работу на месте преступления, и вы прекрасно об этом знаете.

Босх заметил, как побагровело лицо полицейского и на скулах натянулась кожа.

– А я вам вот что отвечу, Босх. Если бы я просто сообщил, что обнаружил подозрительный автомобиль, от которого несет так, что в нем как пить дать спрятали жмурика, вы бы заявили: «Что там опять мудрит этот Пауэрс?» – и оставили бы труп догнивать под солнцем, пока от вашего места преступления не остался бы пшик.

– Вероятно, вы правы. Но это был бы наш прокол, а не ваш. Мы еще не успели начать, а вы уже путаете нам карты.

Полицейский разозлился, но промолчал. Босх, готовый продолжить спор, немного подождал и произнес:

– А теперь, будьте любезны, приподнимите ленту и позвольте мне пройти.

Пауэрс отступил к ленте. Босх дал бы ему на вид лет тридцать пять. Самодовольно-развязная манера бывалого патрульного. Такую манеру быстро приобретали в полиции Лос-Анджелеса, как в свое время во Вьетнаме. Пауэрс поднял ленту и, когда Босх проходил мимо, буркнул:

– Не заблудитесь.

– Постараюсь, Пауэрс. Но если что, вы меня отыщете.

Пожарная дорога была шириной всего в один ряд и заросла по обочинам кустарником высотой по пояс. По бокам разбросаны мусор и битое стекло – ответ строптивых граждан на

запрет съезжать с шоссе. Босх подозревал, что по ночам дорога становилась излюбленным местом сборищ городских подростков.

Он шел, и музыка звучала все громче, но Босх так и не угадал мелодию. Примерно через четверть мили ему попала засыпанная гравием поляна – пункт сосредоточения пожарной техники, в случае если на окрестных холмах по подлеску покатится огонь. Сегодня поляна превратилась в место преступления. Вдалеке стоял «роллс-ройс», а рядом – коллеги Босха: Райдер и Эдгар. Райдер зарисовывала в блокнот место преступления, а Эдгар делал измерения. Завидев Босха, он приветственно помахал рукой в перчатке из латекса и освободил стопор рулетки – гибкая лента скользнула в корпус.

– Гарри, где ты пропадал?

– Красил, – усмехнулся Босх. – Требовалось помыться, переодеться, убрать краски.

По мере того как он приближался, перед ним открывалась картина преступления. Они оказались на крутом склоне над «Голливудской чашей»¹. Внизу располагался круглый летний театр, и именно оттуда доносилась музыка – в уик-энд на День труда закрывала сезон филармония Лос-Анджелеса. Восемнадцать тысяч слушателей сидели рядами на противоположной стороне каньона. Люди наслаждались приятным воскресным вечером.

– Господи, – произнес Босх.

К нему подошли Эдгар и Райдер.

– Ну, что тут у вас?

– В багажнике труп, – ответила Райдер. – Белый мужчина. Огнестрельное ранение. Больше мы к нему не прикасались. Закрыли крышку и подключили всех, кого следует.

Босх повернулся к автомобилю, миновав старое кострище в середине поляны.

– С машиной закончили? – Он кивнул на «роллс-ройс».

– Осмотрели, – отозвался Эдгар. – Почти ничего. Лужица под днищем, и, пожалуй, все. Давненько не приходилось видеть такого чистого места преступления.

Джерри Эдгара, как и остальных, вызвали из дома, и он был в синих джинсах и белой майке. На левой стороне к ткани был приколот значок со словами: «Управление полиции Лос-Анджелеса. Отдел по расследованию ограблений и убийств». Он обогнал Босха, и тот прочитал на его спине слова: «Наш день начинается тогда, когда кончается ваш». Плотная белая майка составляла резкий контраст с его темной кожей, и под ней бугрился мускулами торс. Эдгар двигался к «роллс-ройсу» упругой походкой спортсмена. Шесть лет Босх работал с этим человеком, но вне службы они так и не сблизились. Босху впервые пришлось в голову, что Эдгар, наверное, спортсмен и регулярно тренируется.

Странно было видеть его в майке, а не в превосходно сидящем нордстромовском костюме. Босх решил, что разгадал трюк: неформальная одежда гарантировала, что ему не поручат самое неприятное из всех дел – оповещать ближайших родственников о смерти.

Подходя к «роллс-ройсу», они невольно замедлили шаги, словно машина распространяла вокруг себя заразу. Автомобиль стоял багажником к югу и был виден с верхних уровней «Голливудской чаши». Босх снова оценил ситуацию.

– Ты намерен извлекать этого типа на виду у тех, кто потягивает вино и наслаждается ужином? Представляешь, как разовится вечером телевидение?

– Нет, оставляем на твое усмотрение, Гарри, – улыбнулся Эдгар, подмигнул и добавил: – Ведь ты – наш третий.

– Как же, как же, – хмыкнул Босх. – Третий, не кто-нибудь.

Босх никак не мог привыкнуть к тому, что его назначили старшим группы. Миновало почти восемнадцать месяцев с тех пор, как он официально расследовал тяжкие преступления.

¹ «Голливудская чаша» – концертный зал в Лос-Анджелесе под открытым небом, названный так из-за своей характерной акустической раковины в виде ряда концентрических арок. – *Здесь и далее примеч. перев.*

А о том, чтобы командовать людьми, и говорить нечего. В январе он вернулся из вынужденного отпуска, в который был отправлен в связи с нервным срывом, и его определили в отдел ограблений. Лейтенант Грейс Биллетс объяснила, что таким образом ему будет легче втянуться в работу. Однако Босх понимал: это ложь, – но безропотно принял понижение. Знал, что еще понадобится.

Восемь месяцев он перекладывал бумажки, иногда производил аресты воришек, а затем его вызвали к начальству в кабинет, и Биллетс заявила, что намерена заняться перестановками. Показатели в отделе по расследованию ограблений и убийств упали до низжайшего уровня. Раскрывалось менее половины всех преступлений. Биллетс приняла командование год назад и была вынуждена признать, что период самых серьезных неудач приходится на ее руководство. Босх мог бы ей объяснить, что это происходило еще и потому, что Биллетс не следовала примеру своего предшественника Харви Паундза, всегда находившего способы вздуть показатели, но придержал язык за зубами. Он молча сидел, пока Биллетс излагала ему свой план.

Первая часть плана состояла в том, что с первого сентября Босха возвращают на прежнее место, а в ту дыру, то есть в отдел ограблений, где он в последнее время служил, переводят некоего детектива Селби. Тот здесь совершенно не тянул. Сюда же Биллетс перетащила собственную молодую сотрудницу, с которой работала в управлении Пасифик. Но самое радикальное заключалось в том, что она собралась нарушить традиционное разделение детективов на пары. Теперь девять детективов Голливудского отделения были разбиты на тройки, каждую возглавлял детектив третьего класса. Босх стал этим третьим и начальником первой группы.

Основания для подобных перемен казались вескими – по крайней мере, на бумаге. Большинство тяжких преступлений раскрываются в течение сорока восьми часов после совершения либо вообще остаются нераскрытыми. Биллетс намеревалась повысить раскрываемость и бросала на каждое дело много людей. Хуже для девяти детективов обстояло дело с другим. Раньше в отделе работали четыре команды напарников и на каждую приходилась четверть всей нагрузки. Теперь же тройкам требовалось браться за каждое третье расследование. Больше дел, больше работы, больше времени в суде, сверхурочных часов и нервного напряжения. Положительным во всем этом была лишь сверхурочная оплата. Но Биллетс не считалась с жалобами подчиненных и, понятно, быстро заработала соответствующее прозвище – Упертая.

– Кто-нибудь сообщил Упертой? – спросил Босх.

– Я ей звонила, – ответила Райдер. – Она уехала на уик-энд в Санта-Барбару, но оставила дежурному номер телефона. Биллетс сразу направилась обратно, но будет в дороге еще не менее полутора часов. Сказала, что сначала ей придется завезти домой своего муженька, а затем, наверное, покатит в контору.

Босх кивнул, подошел к машине и тут же почувствовал запах, едва различимый, но вполне явственный. Его не спутаешь ни с чем. Босх поставил кейс на землю, открыл и вынул из картонной упаковки перчатки из латекса.

– Давайте посмотрим, – проговорил он, натягивая перчатки. Он всегда терпеть не мог ощущение этой тонкой пленки на руках. – Подходите ближе. Пусть люди в «Голливудской чаше» наслаждаются только тем зрелищем, за которое заплатили.

– Да уж, картина не из приятных, – заметил Эдгар.

Они втроем встали у багажника и загородили его от зрителей, пришедших на концерт. Но Босх не сомневался: в «Голливудской чаше» найдется человек с полевым биноклем и заметит все, что творится у «роллс-ройса». Ничего не поделаешь – Лос-Анджелес есть Лос-Анджелес.

Прежде чем открыть крышку, он взглянул на номерной знак. На нем значились три буквы – ТНА. Босх еще не успел ничего спросить, а Эдгар уже отвечал на его невысказанный вопрос:

– По названию студии. На Мелроуз-авеню.

– Все три буквы?

– Да.

– Где именно на Мелроуз?

Эдгар вынул из кармана записную книжку и перелистал страницы. Адрес показался Босху знакомым, но он не сумел его ни с чем связать. Понял только, что место располагается где-то неподалеку от «Парамаунт пикчерс», которая занимала всю северную часть квартала 55-100. Огромную кинофабрику окружали маленькие и крохотные студии, они, словно рыбы-прилипалы, ждали пролетевшего мимо пасти акулы кусочка.

– Что ж, приступим. – Босх сосредоточил внимание на том, что находилось в багажнике.

Крышка была опущена, но замок не защелкнулся. Затянутым в латекс пальцем он поднял ее. Из-под крышки пахло зловонным запахом смерти. Босх немедленно потянуло к сигарете, но он знал: теперь не те денечки, когда можно дымить на месте преступления, – хорошо известно, как защитник обвиняемого сумеет использовать оставленную детективом рядом с трупом горстку пепла. Адвокаты выстраивают в суде линию защиты и на менее значительных деталях.

Стараясь не коснуться бампера брюками, он наклонился над багажником. Внутри находился труп мужчины. Кожа посерела. Одежда явно дорогая: отутюженные полотняные брюки с отворотами, светло-голубая рубашка в цветочек и кожаный спортивный пиджак. Мертвец лежал на правом боку в позе зародыша, с тем отличием, что его руки находились за спиной, а не сложены на груди. Босх решил, что они были скручены, но затем их развязали – скорее всего, после того, как наступила смерть. Он различил на левом запястье ссадину. Видимо, жертва старалась освободиться от пут. Глаза мужчины зажмурены, в уголках засохло беловатое, почти прозрачное вещество.

– Киз, попрошу тебя вести протокол.

– Хорошо.

Босх склонился еще ниже над багажником и заметил, что в носу и во рту у мертвеца запеклась кровь. Волосы слиплись от крови, она текла по плечам и лужицей свернулась на коврик багажника. На дне багажника имелось отверстие, и через него кровь просочилась наружу и капала на гравий под машиной. Отверстие располагалось примерно в футе от головы жертвы, где коврик завернулся и обнажил металл. Дырку проделала не пуля. Это было либо специальное дренажное отверстие, либо здесь когда-то торчал болт, но со временем открутился и выпал.

Затылок жертвы представлял собой сплошное месиво, среди которого Босх разглядел две дырочки с зазубренными краями. Они располагались ближе к основанию черепа, в затылочном бугорке, вспомнил Босх научное название. Недаром присутствовал на стольких вскрытиях. Волосы вблизи ран опалили вырвавшиеся из ствола оружия горячие газы. Кожу запятнал порошок. Выстрелы в упор. Выходных отверстий Босх не заметил. Вероятно, двадцать второй калибр. Такие пули не вылетают наружу, а бьются внутри, словно отскакивающие от стенок брошенные в пустую банку из-под мармелада камешки.

Босх поднял голову и увидел, что внутренняя поверхность крышки багажника тоже запачкана кровью. Он долго разглядывал пятнышки, затем отступил на шаг и выпрямился. Окинул взглядом багажник, мысленно перебирая пункты воображаемого списка. На дороге и на поляне крови не было, значит жертву убили здесь же, прямо в багажнике. Возникали вопросы: почему здесь, почему убитый без обуви, почему ему развязали руки? Босх решил обдумать это позднее.

– Бумажник искали? – спросил он у коллег.

– Пока нет, – произнес Эдгар. – Узнаешь его?

Босх посмотрел на лицо убитого. Искажено страхом. Мужчина зажмурился – он понимал, что вот-вот произойдет. А что это у него за белесая субстанция в глазах? Уж не слезы ли?

– А ты?

– Нет. Слишком обезображен.

Босх задрал полу кожаного пиджака трупа – в задних карманах брюк бумажника не оказалось. Он распахнул пиджак: бумажник лежал во внутреннем кармане, на нем красовалась этикетка магазина мужской одежды «Фред Хабер». Там же находился конверт, в который авиакомпании вкладывают билеты. Придерживая полу, Босх извлек из кармана и то и другое.

– Закройте, – попросил он.

Эдгар осторожно, словно гробовщик, опустил крышку. Босх присел на корточки и положил на кейс бумажник и конверт.

Сначала он раскрыл бумажник. С левой стороны все отделение занимали визитные карточки, справа, в пластиковом окошке, виднелись водительские права. На документе значилось: «Энтони Н. Алисо».

– Энтони Н. Алисо, – повторил Эдгар. – Сокращенно Тони. Студия «ТНА».

Убитый проживал по адресу в Хидден-Хайлендс – небольшом районе на Малхолланд-драйв, который окружал Голливудские холмы. Такие места обычно огорожены высокими стенами, и в будке у ворот двадцать четыре часа в сутки дежурит охрана из нанятых отставных полицейских Лос-Анджелеса. Адрес полностью соответствовал марке машины – «роллс-ройсу».

Босх открыл отделение для денег и, не вынимая банкноты, пересчитал их: две стодолларовые купюры и девять двадцаток. Он произнес сумму вслух, чтобы Райдер занесла ее в протокол. Затем раскрыл авиаконверт. Внутри оказался купон билета в одну сторону из Лас-Вегаса в Лос-Анджелес на рейс авиакомпании «Американ эйрлайнс», вылетающий в пятницу в 22:05. Фамилия на билете аналогична фамилии на водительских правах. Босх перевернул конверт и осмотрел клапан. На нем не оказалось ни приклеенного, ни пришпиленного чека, который бы свидетельствовал, что счет уже оплачен.

Любопытно. Босх оставил билет на чемоданчике и заглянул через окна в машину:

– Багажа не было?

– Никакого, – ответила Райдер.

Босх опять поднял крышку багажника. Посмотрел на тело, зацепил пальцем левый рукав и потянул вверх. На запястье обнаружился золотой «ролекс». Вокруг циферблата часов поблескивали крохотные бриллианты.

– Черт!

– В чем дело, Эдгар?

– Пожалуй, я вызову ребят из отдела по борьбе с организованной преступностью.

– Зачем?

– Итальяшка, ничего не украдено, две пули в затылке. Это их дело.

– Подожди.

– Упертая тебе скажет то же самое.

Босх окинул взглядом искаженное, запачканное кровью лицо убитого. Закрыв крышку багажника и отошел к краю поляны.

С этого места открывался отличный вид на город. К востоку, за вольно раскинувшимся Голливудом, к небу в легкой дымке поднимались шпили делового центра. На стадионе зажгли огни перед вечерней игрой. За месяц до финальных соревнований команда «Доджерс» сыграла вничью с «Колорадо», а сегодня должен был подавать Номо. Во внутреннем кармане Босха лежал билет, но он прекрасно понимал, что надежды посмотреть игру – не более чем пустые мечтания. Вечером он и близко не подойдет к стадиону. Он сознавал, что Эдгар прав: преступление носило все признаки гангстерской разборки. Значит, следовало оповестить отдел по борьбе с организованной преступностью, и если уж не вовсе передать им расследование, то хотя бы попросить совета. Но Босх тянул. Он давно не получал дела, и ему не хотелось с ним расставаться.

Он посмотрел на «Голливудскую чашу». Похоже, концерт собрал аншлаг. Публика занимала расположенный на противоположном склоне амфитеатр в виде эллипса, и самые дальние от оркестра ряды находились почти на уровне поляны, где стоял «роллс-ройс». Интересно, сколько человек следят в данный момент за ним, а не за тем, что происходит на сцене? Босх никак не мог решить возникшую перед ним дилемму: чтобы продолжать расследование, необходимо извлечь из багажника тело, а если это сделать прямо на глазах у публики, на его отдел и муниципалитет посыплется столько жалоб, что не приведи господи.

Эдгар как будто прочитал его мысли.

– Слушай, Гарри, им на нас наплевать. Два года назад, во время джазового фестиваля, какая-то парочка на этом самом месте на глазах у людей полчаса занималась всяческими непотребствами. И заслужила бурные аплодисменты – зрители даже встали. Парень как был нагишом, так и раскланивался.

Босх обернулся: он хотел проверить, шутит его напарник или говорит серьезно.

– Сам читал в «Таймс», – продолжил Эдгар. – В колонке «Только в Лос-Анджелесе».

– Сегодня классический концерт, – возразил Босх. – Публика совершенно иная. И я бы не желал, чтобы это дело оказалось в колонке «Только в Лос-Анджелесе». Ясно?

– А ты какого мнения, Киз? – обратился Босх к Райдер.

– Не знаю. Тебе судить. Третий у нас ты, – произнесла она.

Киз была миниатюрной женщиной и вместе с пистолетом весила не более ста фунтов. Она бы никогда не попала в отдел по расследованию ограблений и убийств, но начальство, стараясь привлечь женщин, закрывало глаза на физические данные. У нее была кожа светло-шоколадного оттенка, волосы выпрямлены и коротко подстрижены. Кизмин пришла в джинсах и красной рубашке под черным блейзером, который почти не скрывал девятимиллиметровый «глок» в кобуре на ее левом бедре.

Биллетс работала с Райдер в управлении Пасифик. Райдер в основном поручали дела, связанные с кражами и мошенничеством, иногда привлекали к расследованиям убийств, особенно если в них содержалась финансовая подоплека. Но Биллетс утверждала, что Райдер обладает блестящей способностью обследовать место преступления. Лейтенант немного преувеличивала, – видимо, таким образом хотела оправдать перевод своей протеже, а сама уже успела смириться с мыслью, что Райдер ненадолго задержится в ее отделе. Такова уж была участь этой Райдер. Афроамериканка, она хорошо справлялась со своими обязанностями, и ее опекал некий ангел-хранитель, хотя даже Биллетс толком не знала, кто он. В Паркер-центре не сомневались, что пройдет немного времени – Райдер покинет Голливуд и получит новую должность.

– Как насчет гаража? – спросил Босх.

– Решили немного повременить, – сообщила Райдер. – Дать возможность покопаться здесь, пока не увезут машину.

Босх кивнул. Он не ожидал иного ответа. В официальный полицейский гараж звонили в последнюю очередь. Босх, размышляя, как поступить, просто тянул время и, задавая вопросы, заранее знал, что услышит.

Наконец он решился:

– Звоните, пусть высылают эвакуатор. Именно эвакуатор, а не тягач, даже если он у них здесь, за углом. Телефон у меня в чемоданчике.

– Ясно, – отчеканила Райдер.

– А почему эвакуатор, Гарри? – поинтересовался Эдгар.

Босх промолчал.

– Будем перевозить представление вместе с декорациями! – бросила Райдер.

– Что?

Она не ответила и взяла чемоданчик. Босх сдержал улыбку. Райдер поняла, что он задумал. Биллетс, пожалуй, права, нахваливая свою подопечную. Он прикурил, сунул сторованную спичку под целлофановую обертку пачки и убрал сигареты в карман пиджака.

Пока он курил, ему пришло в голову, что в том месте поляны, откуда открывался непосредственный вид на «Голливудскую чашу», звук был гораздо лучше. Он даже узнал произведение и назвал вслух:

– «Шехерезада».

– Что? – не понял Эдгар.

– Музыка. Никогда не слышал?

– Не возьмусь утверждать, что и сейчас слышу. Кругом одно эхо.

Босх щелкнул пальцами. Он представил вход в студию, который имитировал архитектурные формы Триумфальной арки в Париже.

– Кстати, насчет адреса на Мелроуз, – промолвил он. – Это ведь недалеко от «Парамаунт пикчерс». Одна из тех крутых студий по соседству. Думаю, это «Арчуэй».

– В самом деле? Ты, наверное, прав.

К ним подошла Райдер.

– Эвакуатор в пути, – доложила она. – Расчетное время прибытия – через пятнадцать минут. Я перезвонила криминалистам и судебно-медицинским экспертам. Они тоже направляются к нам. Кого-то из криминалистов задействовали на ограблении в Николс-Каньон, так что ребята скоро будут у нас.

– Отлично, – похвалил Босх. – Вы поработали с мастером дубинки? – Он кивнул в сторону патрульного.

– Нет, – усмехнулся Эдгар. – Выяснили лишь самую суть. Работа не для нас. Решили оставить это дело для третьего.

Босх понял намек: Эдгар и Райдер почувствовали расистский настрой полицейского.

– Хорошо. Возьму его на себя, – согласился Босх. – А вы пока еще раз осмотрите непосредственно место преступления и прилегающую округу. – Он внезапно сообразил, что изрекает прописные истины. – Извините, вы сами знаете, что нужно делать. Хочу только подчеркнуть, что все надо выполнять точно по порядку. У меня ощущение, что нам подвалило по полной. Восемь на десять.

– Так что насчет отдела по борьбе с организованной преступностью? – спросил Эдгар.

– Я же сказал, повремени.

– Что подвалило? – Райдер состроила удивленную гримасу.

– Он говорит о деле, – объяснил Эдгар. – Исключительное дело. Дело, связанное с киностудией. Если в багажнике окажется киношная знаменитость из «Арчуэй», нас замучают журналисты. Мертвец в багажнике «роллс-ройса» – это сенсация! А мертвец из мира кино в багажнике «роллс-ройса» – еще круче.

– Из «Арчуэй»? – не поняла Райдер.

Босх оставил Эдгара просвещать ее насчет того, как ведет себя пресса, если в Голливуде случается убийство.

Он затушил сигарету, засунул окурок в целлофановую обертку, где уже находилась спичка, и принялся медленно прочесывать все четверть мили к Малхолланд-драйв. Но и на гравийном покрытии, и в кустах по обочинам было столько всякого хлама, что никто не взялся бы утверждать, откуда здесь появился окурок, пивная бутылка или использованный презерватив – из «роллс-ройса» или нет. Босх надеялся заметить на земле кровавое пятно. Кровь могла означать, что жертву убили в другом месте и потом привезли на поляну. А отсутствие крови – что преступление, вероятно, произошло именно на поляне.

Продолжая бесплодные поиски, Босх неожиданно почувствовал, что доволен и даже счастлив. Он опять при исполнении и занимается привычным делом. Правда, погиб человек,

теперь он лежит в багажнике. Но ведь вины Босха в этом нет. Жертва умерла не из-за того, что его вернули на работу в убойный отдел.

Добравшись до Малхолланд-драйв, Босх увидел пожарные машины. Два автомобиля окружала команда пожарных, которые явно чего-то ждали. Босх прикурил сигарету и взглянул на Пауэрса.

– У вас проблема, – буркнул патрульный.

– Какая?

Прежде чем Пауэрс успел ответить, вперед выступил один из пожарных. На голове у него была белая каска командира.

– Вы здесь главный? – спросил он.

– Ну я.

– Я старший команды Джон Фридман. У нас проблема.

– Принял к сведению. Что дальше?

– Дальше то, что через девяносто минут заканчивается концерт в «Голливудской чаше».

Потом планируется фейерверк. Проблема в том, что этот парень говорит, будто поляна – место преступления и у вас там труп. Если нам не удастся занять необходимую для фейерверка позицию, то никакого фейерверка не будет. Не имеем права разрешить. Отсюда нам не виден весь склон. Мало ли куда может залететь шальная ракета. Понимаете?

Босх заметил, что его затруднение вызвало ухмылку Пауэрса, но продолжил разговор с пожарным:

– Шеф, сколько времени вам потребуется, чтобы занять позицию?

– Максимум десять минут. Мы должны находиться там до того, как в воздух взлетит первая ракета.

– Через девяносто минут?

– Теперь уже через восемьдесят пять. Если фейерверк не состоится, очень многие рассердятся.

Босх сообразил, что не столько сам принимает решение, сколько это решение ему навязывают другие.

– Ждите здесь, шеф. Через час пятнадцать мы уедем. Не отменяйте представления.

– Вы уверены?

– Положитесь на меня.

– Детектив!

– Что?

– Вы курите и тем самым нарушаете закон. – Пожарный кивнул на расписанный граффити указатель.

– Извините. – Босх затоптал сигарету, а пожарный тем временем вернулся к своим подчиненным передать по радио, что фейерверк состоится. Внезапно Босх осознал, какая им грозит опасность, и поспешно догнал начальника пожарной команды. – Послушайте, шеф, не отменяйте шоу, только не упоминайте о трупе. Нам ни к чему, чтобы сюда слетелись журналисты и у нас над головами всюду гудели вертолеты.

– Ладно.

Босх поблагодарил пожарного и повернулся к Пауэрсу.

– Вам не удастся через час пятнадцать освободить место преступления. Еще не приезжал судебно-медицинский эксперт, – заявил тот.

– Это моя забота, – проворчал Босх. – Что-нибудь уже написали?

– Пока нет. Занимался пожарными. Было бы полезно, чтобы у кого-нибудь из вас имелась рация.

– Тогда давайте излагайте все с самого начала.

– А эти ваши двое? – Патрульный указал в сторону поляны. – Эдгар и Райдер. Почему они не сооблаговолили со мной побеседовать?

– Они заняты! – отрезал Босх. – Приступайте.

– Я уже все вам сказал.

– Пауэрс, вы мне сообщили, как действовали, осматривая машину. Что вас побудило заняться ее осмотром?

– Я сюда заглядываю во время каждого дежурства, разгоняю всякую шваль. – Пауэрс ткнул рукой в сторону гребня холма, где расположился ряд опиравшихся на консоли домиков. Они казались подвешенными в воздухе автомобильными фургончиками. – Люди оттуда постоянно звонят в полицейский участок, жалуются, что здесь разводят костры, устраивают пивные вечеринки, собираются сатанисты да бог знает кто... Портят им вид. А они не хотят, чтобы портили их шикарный вид ценой в миллион долларов. Вот я поднимаюсь туда прогнать всякую шелупонь. В основном долбанных козлов из Долины². Раньше пожарные запирали дорогу на замок. Но какой-то придурок умудрился своротить ворота шесть месяцев назад. Теперь пройдет не менее года, пока город соберется все починить. Вот я, к примеру, затребовал батареи для фонаря три недели назад и до сих пор жду. Если не куплю сам, придется обходиться по ночам без света. Городу наплевать. Город...

– Так что там было с «роллс-ройсом»? – перебил его Босх.

– Обычно я заглядываю сюда затемно. Но сегодня представление в «Голливудской чаше», вот я и решил завернуть пораньше. И увидел автомобиль.

– К вам поступили жалобы с холма?

– Нет. Сегодня не было никаких жалоб. Я просто объезжал свою территорию. В день представления всегда находятся желающие посмотреть концерт на халяву.

– И таковые оказались?

– Да. Несколько человек торчали тут, поблизости. Спасибо, что не толпа, как обычно. Ведь сегодня – как это говорится? – исполняют утонченную музыку. Но я все равно их прогнал. Люди ушли, а «роллс-ройс» остался. Машина без водителя.

– И вы решили ее проверить?

– Да я же знаю этот запах! Покопался линейкой, и на тебе – пожалуйста! Трупак! Я ничего не тронул и вызвал сыскарей. – Последнее слово прозвучало презрительно, но Босх не отреагировал.

– Вы переписали фамилии тех, кто здесь был?

– Нет, я же сказал: я их прогнал, а потом уже сообразил, что на машине никто не уехал. Но было уже поздно.

– А вчера вечером?

– Что вчера вечером?

– Вы сюда заглядывали?

– Вчера я не дежурил. Моя смена со вторника по субботу, но вчера я поменялся со своим приятелем, потому что ему потребовалось свободное время сегодня.

– А в пятницу вечером?

Пауэрс покачал головой:

– По пятницам в вечернюю смену не продохнуть. Не бывает времени для свободного патрулирования. Жалоб не поступало, вот я и не поехал.

– Только вызовы по рации?

– Один за другим! Дергали всю ночь. Не хватило времени даже перекусить.

– Обходиться без перерыва на ужин – в этом призвание полицейского.

– Что такое?

² Долина Сан-Фернандо.

Босх понял, что совершил ошибку. Пауэрс слишком близко к сердцу принимал неурядицы на службе, а он его подначивал. Полицейский снова побагровел и, прежде чем заговорить, снял солнцезащитные очки.

– Вот что я скажу вам, умник. Это вы на виду. А другие? Нам остается одно – расхлебывать дерьмо. Я столько лет старался заработать золотой значок, а шансов получить его у меня не более, чем у того, кто сейчас в багажнике «роллс-ройса». Но я не опускаю руки и пять вечеров в неделю выхожу на дежурство. Ездить по вызовам. Видите, что написано у меня на дверце? «Защищать и служить». Именно этим я и занимаюсь. А вы мне вправляете про призвание.

– Ладно, я не хотел вас обидеть. Возьмите сигарету, – произнес Босх.

– Не курю.

– Тогда давайте попробуем снова. – Он дождался, пока полицейский спрятал глаза за зеркальными стеклами очков и, судя по всему, успокоился. – Вы дежурите один?

– Я – патруль «Зет».

Ясно, подразделение «Зебра». Один полицейский принимает разнообразные вызовы, но в основном – по мелочам. А экипажи из двух напарников бросают на горячие и часто опасные дела. «Зебра» работает в одиночку, располагает полной свободой действий и не зависит от всего подразделения. Эти люди стоят где-то между сержантами и теми, кто закреплен в подразделении за определенной зоной автомобильного патрулирования.

– Как часто вы гоняете отсюда людей?

– Раз или два в месяц. А что происходит в другие смены или как поступают основные патрули, не знаю. У меня такое впечатление, что все дерьмо валится на машины «Зет».

– Шантажки выписываете?

Шантажками называли карточки три на пять, которые официально именовались карточками полевого допроса или ПД. Копы заполняли их, когда задерживали подозрительных людей, но улики для ареста не хватало или когда арест – в данном случае за проникновение на запретную территорию – считался пустой тратой времени. Американский союз защиты гражданских свобод окрестил подобные действия полиции шантажом и превышением полномочий, а слово прижилось даже у копов.

– Бывает... валяется несколько штук... в участке.

– Отлично. Если вам удастся их откопать, я хотел бы на них взглянуть. И еще, не могли бы вы побеседовать с ребятами из основного патруля: не видели ли они здесь в последние несколько дней «роллс-ройс»?

– Намекаете, что принимаете меня в свое грандиозное криминальное расследование и улучите минутку – замолвите за меня словечко главному сыскарю?

Босх, прежде чем ответить, пристально посмотрел на Пауэрса:

– Не угадали. Я говорю о том, чтобы к девяти вы приготовили мне ПД, а иначе мне придется пообщаться с начальником патруля. А насчет ребят из основного экипажа не беспокойтесь. Поговорим с ними сами. Не хочу, Пауэрс, чтобы вы вторую смену подряд пропускали ужин.

Босх возвращался на место преступления так же медленно и осматривал противоположную сторону гравийной дороги. Дважды ему пришлось отступить на обочину, чтобы пропустить автомобиль из полицейского гаража, а затем машину криминалистов. По пути он ничего не обнаружил и, добравшись до поляны, укрепился в уверенности, что с жертвой расправились именно здесь. Криминалист Арт Донован и приехавший с ним фотограф Роланд Куатро уже приступили к делу. Босх подошел к Райдер.

– Что-нибудь обнаружил? – спросила она.

– Нет. А ты?

– Ничего. Мне кажется, «роллс-ройс» приехал сюда с нашим приятелем в багажнике. Фигурант вылез из машины, открыл багажник, выпустил две пули в голову, захлопнул крышку

и ушел пешком. Кто-нибудь подобрал его на Малхолланд-драйв, а на месте преступления чисто.

Босх кивнул:

– Его?

– Основываюсь исключительно на половом статистическом соотношении преступников.

Босх повернулся к Доновану. Тот укладывал бумажник и конверт авиакомпании в прозрачный пластиковый пакет для улики.

– Арт, у нас проблема.

– Не то слово. Я подумал, может, растянуть брезенты на прожекторных штативах, но ото всей «Голливудской чаши» все равно не укроешься – кто-нибудь что-нибудь да подсмотрит. Не спасет никакой фейерверк. Или ты собираешься тихонько отсидеться, пока не кончится шоу?

– Попробуй отсидись – защитник в суде просверлит в наших задницах по новой дырке за проволочку. Ты же знаешь, любой адвокат слушает курс по работе на местности.

– Как ты собираешься поступить?

– Сделать что положено здесь, но как можно быстрее, а затем перевезти все в ангар для работы с отпечатками. Кстати, он свободен?

– Да. Ты говоришь, все, в том числе и тело?

Босх кивнул:

– В ангаре тебе удобнее?

– Несомненно. Но как быть с судмедэкспертами? Случай такой, что без них не обойтись.

– Это я улажу. Только проследи, чтобы перед погрузкой на эвакуатор твои ребята сняли все на видео. Мало ли, в пути что-нибудь переместится. И еще:ними с трупа отпечатки пальцев и карточку дай мне.

– Обязательно.

Пока Донован объяснял Куатро, что предпринять, Босх обратился к Эдгару и Райдер:

– Ну что ж, займемся делом. Если у кого-либо из вас есть планы на вечер, звоните и отменяйте. Это надолго. Вот что я от вас хочу. – Он показал на домики на гребне холма. – Ты, Киз, обойди жителей, выясни, не видел ли кто-нибудь здесь «роллс-ройса». Наверняка найдутся такие, кто вспомнит, сколько он здесь стоит. Спроси, не слышали ли они выстрелов – эхо могло докатиться до гребня. Хорошо бы установить время, когда произошло преступление. У тебя есть телефон?

– Нет, лишь пейджер в машине.

– Я хочу постоянно поддерживать связь.

– Могу позвонить из какого-нибудь дома.

– Хорошо. Доложи, когда закончишь. А я, когда управлюсь, пришлю тебе сообщение. Потом, в зависимости от того, как пойдут дела, мы с тобой займемся либо его ближайшими родственниками, либо сослуживцами. – Босх повернулся к Эдгару. – А тебе, Джерри, придется заняться писаниной в конторе.

– Почему? Новобранец у нас – она.

– Это тебе урок – не будешь являться в майке. В таком виде неприлично стучаться в дома к людям.

– У меня в машине есть рубашка. Я переоденусь.

– В следующий раз. А теперь повозись-ка с бумажками. Но прежде пробей Алисо по компьютеру, выясни, что на него имеется. Водительские права ему выдали в прошлом году, – следовательно, в документах должен быть отпечаток большого пальца. Сравни с карточкой, которую даст тебе Арт. Нам необходимо срочно подтвердить установление личности.

– Попробую, но обещать ничего не могу.

– Обзвони всех, кто дежурит в основном патруле. Вероятно, кто-нибудь видел здесь «роллс-ройс». У Пауэрса – малого, что болтается в начале дороги, – есть шантажки на тех, кого он здесь разгонял. Займись ими тоже. А потом приступай к писанине.

– Черт! Мне сильно повезет, если я успею сесть за компьютер к следующему понедельнику.

Босх не обратил внимания на его жалобы.

– Я остаюсь тут, – заявил он коллегам. – Если не хватит времени, в фирму к убитому поедешь ты, Киз, а я оповещу его родных. Всем все понятно?

Эдгар и Райдер кивнули. Но Босх заметил, что Эдгар чем-то недоволен.

– Киз, действуй! – Он дождался, пока она уйдет, и спросил: – В чем дело, Джерри? Что-то не нравится?

– Я лишь хотел поинтересоваться: в нашей команде всегда будет так? Вся дерьмовая работа на мне, а принцесса пусть красуется?

– Нет, Джерри, так будет не всегда. Полагаю, ты меня достаточно хорошо знаешь, чтобы не задавать подобные вопросы. В чем проблема?

– Мне не нравится, какие ты принимаешь решения, Гарри. Нам следовало немедленно позвонить в отдел по борьбе с организованной преступностью. Уж если этот случай не для них, то для кого тогда? Ты должен был сразу же им позвонить. Но поскольку ты только что вернулся к работе и соскучился по делу, тебе звонить не хочется. Вот в чем проблема. – В подтверждение своих слов Эдгар развел руками. – Тебе нечего доказывать, Гарри. А в трупах, сам знаешь, недостатка нет. Не забывай, мы в Голливуде. Отдадим этот эпизод и сразу получим другой.

– Возможно, ты прав. Но третий – я. И мы станем действовать так, как решу я. Я позвоню Упертой, объясню, что к чему, а затем свяжусь с ОБОП. Но даже если они заберут дело, мы продолжим им заниматься. Тебе это прекрасно известно. Так что давай постараемся. Хорошо?

Эдгар нехотя кивнул.

– Твои возражения будут занесены в протокол, – сказал Босх.

– Разумеется.

На поляну въехал синий фургон судмедэкспертов. За рулем сидел Ричард Мэтьюз. Босх с облегчением вздохнул. Мэтьюза он легко убедит, что единственный разумный выход – перевезти тело вместе с машиной в ангар криминалистов.

– Будь на связи! – бросил Босх Эдгару. Тот с мрачным видом махнул рукой.

Несколько секунд Босх в одиночестве стоял посреди царившей на месте преступления суеты. Он ощущал душевный подъем. Начало дела всегда бодрило его. Он осознал, как в последние полтора года ему не хватало работы. Босх улыбнулся и направился к фургону судмедэкспертов поговорить с Мэтьюзом. «Шехерезада» кончилась, и в «Чаше» раздался взрыв аплодисментов.

Ангар для снятия отпечатков пальцев представлял собой сборную конструкцию из гофрированного металла времен Второй мировой войны. Он располагался на территории экспертов за управлением в Паркер-центре. Окон не было, только двойные гаражные ворота. Внутри все выкрашено в черный цвет, а щели, откуда мог проникать свет, заклеены лентой. После того как закрывались гаражные ворота, опускали тяжелый черный занавес и в помещении становилось темно. Трудившиеся здесь специалисты называли его «пещерой».

Пока «роллс-ройс» сгружали с полицейского эвакуатора, Босх положил кейс на скамейку в ангаре и достал телефон. Отдел по борьбе с организованной преступностью считался самым закрытым сообществом в их иерархии. Босх о нем почти ничего не знал, и среди его знакомых водилось совсем немного служивших там людей. Даже в полицейском управлении ОБОП казался какой-то таинственной силой. Мало кто понимал, чем он занимается. И от этого, естественно, возникали всякие подозрения и ревность.

Детективы считали сотрудников ОБОП не в меру норовистыми ребятами, которые часто отбирали дела у рядовых детективов вроде Босха, но почти ничего не отдавали взамен. Босх не раз наблюдал, как к этим умникам уплывали расследования и в результате все заканчивалось пшиком – никаких обвинений. ОБОП был единственным отделом в управлении с непрозрачным бюджетом, его утверждала закрытая комиссия, выполнявшая все, что требовал ее председатель, начальник управления. Деньги проваливались, словно в черную дыру: на них оплачивали информаторов, проводились расследования, приобреталось первоклассное оборудование. А многие дела тем не менее растворялись в неизвестности.

Босх попросил оператора связи, чтобы его звонок перевели на воскресного дежурного ОБОП. И пока дожидался соединения, продолжал размышлять о трупe в багажнике. Энтони Алисо – если это был он – понимал, что его ждет, и закрыл глаза. Гарри не хотел бы для себя такого конца. Не желал знать о приближении смерти.

– Слушаю, – раздался голос.

– Я Гарри Босх, детектив-три из убойного отдела, звоню из Голливуда. С кем я говорю?

– Дом Карбоун, воскресный дежурный. Хочешь мне подпортить уик-энд?

– Не исключено. – Фамилия дежурного показалась ему смутно знакомой, но он никак не мог вспомнить самого человека. Он был уверен, что они прежде не работали вместе. – Поэтому и звоню. Уверен, вашим захочется взглянуть на это дельце.

– Излагай.

– Белый мужчина обнаружен в багажнике «роллс-ройса» с двумя пулями в затылке. Предположительно, двадцать второй калибр.

– Дальше.

– Машина найдена на пожарной дороге в стороне от Малхолланд-драйв. Не похоже на обычную кражу. По крайней мере, все вещи на месте: кредитные карточки, бумажник, наличные, на руке дорогие часы. Каждый час обозначает бриллиант.

– Кто твой жмурик?

– Пока ничего не подтверждено...

– Все равно выкладывай.

Босх не видел лица говорившего и от этого чувствовал себя неудобно.

– Похоже, будет установлено, что это некий Энтони Н. Алисо, сорока восьми лет. Живет на Голливудских холмах и владеет студией на Мелроуз, неподалеку от «Парамаунт пикчерс». Название его студии: «ТНА». Одна из тех, что населяют «Арчуэй».

– Энтони Алисо?

– Да, правильно.

– Энтони Алисо...

Карбоун произнес фамилию так медленно, словно дегустировал вино, решая, заказать ли ему всю бутылку или выплюнуть то, что уже попало в рот.

– Сразу ничего не приходит в голову, – наконец произнес он. – Надо сделать пару звончков. Где тебя искать?

– В ангаре для снятия отпечатков. Тело здесь, и я тут пока задержусь.

– Хочешь сказать, что вы перевезли его в ангар?

– Долгая история. Когда ты со мной свяжешься?

– Как только сделаю свои звончки. Ты уже побывал в его офисе?

– Пока нет. Но рассчитываем вечером навестись.

Босх продиктовал дежурному номер своего сотового, затем закрыл аппарат и положил его в карман пиджака. Минуту раздумывал над тем, как отреагировал Карбоун на фамилию убитого. Но заключил, что пока нет оснований делать какие-либо выводы.

После того как «роллс-ройс» закатали в ангар и закрыли ворота, Донован опустил шторы. Пока он готовил оборудование, над головой горели лампы дневного света. Эксперт-кримина-

лист Мэтьюз и два его помощника сгрудились у рабочего стола, подбирая необходимые инструменты.

– Гарри, я не буду спешить, хорошо? Сначала пройдусь лазером по багажнику и труп. Затем тело извлечем, обработаем и снова посмотрим лазером. А уж потом займемся всем остальным.

– Работай столько, сколько нужно.

– Мне понадобится твоя помощь со штоком. Роланд должен ехать снимать другое место преступления.

Босх кивнул, наблюдая, как эксперт-криминалист наворачивал оранжевый светофильтр на объектив фотоаппарата «Никон». Потом повесил камеру на шею и включил лазер. Прибор был не больше видеоманитофона. От корпуса тянулся шнур к штоку со специальной рукояткой для руки, а из торца штока бил мощный оранжевый луч.

Донован открыл шкаф, достал несколько пар защитных оранжевых очков, подал их Босху и остальным. Последнюю пару надел сам, протянув Босху перчатки из латекса.

– Сначала пройдемся по поверхности багажника, а затем поднимем крышку, – сообщил он.

Когда криминалист потянулся к выключателю погасить верхний свет, в кармане Босха зазвонил телефон. Донован дал возможность ему ответить.

– Босх, мы даем вам добро, – сообщил Карбоун.

Несколько мгновений Босх ничего не отвечал, дежурный тоже молчал. Донован повернул выключатель, и помещение погрузилось во мрак.

– Я порасспрашивал у людей, сделал несколько звонков. Похоже, этого парня никто не знает. Никто его не разрабатывал. Насколько можно судить, он чист. Так ты говоришь, его запахнули в багажник и убили двумя пулями в затылок? Эй, Босх, ты на связи?

– Да, здесь. Застрелили прямо в багажнике. Двумя пулями в затылок.

– Труп-рок.

– Что?

– Так выразился один башковитый малый из Чикаго. Когда увидел, как таким же образом завалили какого-то бедолагу. «Ах, вы о Тони? Не стоит о нем беспокоиться. Вы его больше не увидите. Он теперь труп-рок». Но сейчас, похоже, не тот случай. Об этом парне нам ничего не известно. Те, с кем я успел побеседовать, считают, что вас специально наводят на мысль, будто в данном деле замешана организованная преступность. Ты понимаешь, о чем я?

Босх наблюдал, как луч лазера пронзал темноту и бомбардировал багажник прожигающим светом. Светофильтры защитных очков отсекали оранжевый спектр, и свет казался пронзительно-белым. Босх стоял в десяти футах от «роллс-ройса», однако прекрасно различал пылающие следы на крышке багажника и бампере. Эта картина всегда напоминала ему сюжет из «Нэшнл джиографик»: подводная камера движется в глубинах океана, и прожектор высвечивает затонувший корабль или самолет. В этом было нечто жутковатое.

– Слушай, Карбоун, ты даже не хочешь подъехать и взглянуть?

– Не теперь. Позвони, если обнаружится нечто отличное от того, что я тебе сообщил. А завтра я еще наведу справки. Твой телефон у меня есть.

Босх обрадовался, что не придется отдавать дело умникам из ОБОП, но удивился, почему они так легко от него отмахнулись. Быстрота, с которой Карбоун отказался от расследования, настораживала.

– Есть какие-нибудь новости? – спросил дежурный.

– Мы только начали. Но вот что я хотел у тебя спросить: ты когда-нибудь слышал, чтобы убийца уносил ботинки жертвы и, перед тем как удалиться, развязывал трупу руки?

– Унес ботинки... развязал руки... Мм... пожалуй, не слыхал. Но я тебе обещал, узнаю утром. Что-нибудь еще?

Босху не понравилось, что Карбоун вытягивал из него детали, но притворялся, будто дело его нисколько не интересует. Заявил, что Тони Алисо – не их клиент, но задавал вопросы. Старался помочь или за его поведением стояло нечто иное?

– Пока все, – проговорил Босх, решив не раскрывать карты. – Я же сказал: мы только-только переехали сюда.

– Ну и ладно. Я наведу утром справки и сообщу, если возникнет что-нибудь интересное.

– Договорились.

– Свяжемся позднее. Уверен, Босх, твой парень крутил шашни с чужой женой. Нам частенько кажется то, чего на самом деле нет. Ты меня понимаешь?

– Да. Мы еще общаемся.

Босх приблизился к автомобилю. Теперь он ясно различал следы в свете лазера – их на металле оставила протирочная тряпка. Складывалось впечатление, что машину тщательно вытерли. Но вот Донован переместил луч – и на хромированном бампере проступила часть отпечатка подошвы.

– Кто-нибудь... – начал эксперт-криминалист.

– Нет! – отозвался Босх. – Никто из наших сюда не ставил ноги.

– Отлично. Тогда держи штوك так, чтобы луч освещал отпечаток.

Босх взял прибор, а Донован наклонился над бампером и сделал несколько снимков, постоянно меняя экспозицию, чтобы один из них получился как можно более четким. Отпечаток представлял собой переднюю часть подошвы. От полукруга на мыске наподобие лучей солнца разбегались в разные стороны линии. А ближе к пятке следовал рисунок в виде клетки. Дальше след обрывался за краем бампера.

– Теннисные тапочки, – предположил Донован. – Или рабочие ботинки. – Сделав снимки, он снова повел лучом по багажнику, но, кроме следов протирки, ничего не обнаружил. – Ладно, – промолвил он. – Будем открывать.

Освещая дорогу карманным фонариком, Босх подошел к водительскому сиденью и потянул рукоятку освобождения замка багажника. Через мгновение ангар наполнился духом смерти.

Босх решил, что тело не сместилось во время перевозки. Но под безжалостным лучом лазера убитый выглядел омерзительно: лицо сделалось похожим на череп вроде тех страшилок, какие рисуют светящимися красками в коридорах аттракционов ужасов в луна-парках. Кровь казалась чернее, и на ее фоне ярче белели в ранах осколки костей. На одежде поблескивали волоски и нитки. Босх вооружился пинцетом и пластиковой трубочкой размером с ту, в которой хранят серебряные полудолларовые монетки, и принялся скрупулезно собирать потенциальные улики. Работа была утомительная и мало что обещала: такие вещи можно обнаружить в любое время на ком угодно. Обычное дело. Закончив, он обратился к Доновану:

– Борт пиджака я поднял, когда искал бумажник.

– Понятно. Опустить, как было.

Босх опустил и заметил на бедре убитого еще один отпечаток ботинка. По рисунку он совпадал с тем, что обнаружили на бампере, но был полнее. На каблуке виднелся тот же полукруг с расходящимися линиями, что и на мыске. В середине полукружия помещалось что-то вроде марки изготовителя, хотя название совершенно не читалось. Удастся установить производителя или нет, но все равно это хорошая находка. По крайней мере, хоть что-то. Если нет ничего иного. Найдка вселяла надежду, что убийца мог совершить и другие ошибки, которые в конце концов наведут на его след.

– Держи шток.

Босх взял прибор, и Донован снова занялся фотосъемкой.

– Я делаю фотографии для протокола, – объяснил он. – Пиджак мы снимем перед тем, как тело увезут.

Он исследовал лучом лазера внутреннюю сторону крышки багажника и обнаружил множество отпечатков пальцев, в основном большого. Этого места обычно касаются, когда грузят или вынимают вещи и придерживают рукой крышку. Отпечатки перекрывали друг друга – верный знак того, что они старые и, вероятно, принадлежали убитому.

- Сфотографирую, но на многое не рассчитывай, – предупредил эксперт-криминалист.
- Ясно.

Несколько раз щелкнув затвором, Донован положил шток и фотоаппарат на корпус лазера и сказал Босху:

– Давай вытащим его оттуда и осмотрим, пока он еще с нами. – И, не дожидаясь ответа, включил потолочные светильники. От внезапно брызнувшего яркого дневного света все засломили ладонями глаза.

Через несколько мгновений извлекли труп из багажника и положили на расстеленный на каталке черный пластиковый мешок.

- А наш парень-то хиляк, – прокомментировал Донован.
- Да. Как думаешь, на какой размер потянет? – поинтересовался Босх.
- На сорок второй – сорок четвертый. Измерим, узнаем точнее.

Донован снова выключил свет и провел лазерным лучом от головы до пят. Слезы в уголках глаз убитого отразились белым. На лице жертвы обнаружилось несколько волосков и шерстинок, и Босх собрал их в трубочку. Вверху на правой скуле алела царапина, которую они не заметили, пока тело лежало на боку в багажнике.

- Мог получить удар или поцарапаться во время перевозки, – предположил Донован.
- Луч пополз вниз по груди, и криминалист воскликнул:
- Посмотри-ка сюда!

В свете лазера на правом плече кожаного пиджака вспыхнул отпечаток ладони и два смазанных отпечатка больших пальцев – по одному на каждом лацкане. Донован согнулся и стал вглядываться в оставшиеся следы.

– Кожа дубленая, не впитывает жир. Нам крупно повезло, Гарри. Будь этот малый в чем-нибудь еще, пиши пропало. Ладонь превосходная. «Пальчики» не очень... но попытаемся вытянуть. Ну-ка, Гарри, отогни лацкан.

Босх наклонился и осторожно вывернул лацкан. На внутренней стороне обнаружилось четыре отпечатка. Босх проверил второй лацкан и нашел еще четыре.

Донован присвистнул:

– Похоже, это два разных человека! Взгляни на размер пальцев на лацканах и ладонь на плече. Я бы сказал, что ладонь мельче. Очевидно, женская. Не знаю. Зато лапы, которые хватали нашего клиента за грудки, были огромными.

Он извлек из стоявшего неподалеку ящика с инструментами ножницы и срезал с тела пиджак. Босх держал в руках одежду, а Донован поводил по ней лазерным лучом, но, кроме замеченных ранее отпечатков подошвы и пальцев, больше ничего обнаружить не удалось. Он осмотрел нижние края и шутливо обратился к трупу:

- Ну, давай же, расскажи нам свою историю.

На брюках удалось найти несколько ниточек и старых пятен – ничего существенного, пока не дошли до манжеты на правой ноге и не обнаружили за отворотом ком пыли и ниток. В свете лазера в нем сверкнули пять золотистых крупинок. Босх аккуратно перенес их пинцетом в пластиковую трубочку. В другом манжете оказалось два аналогичных кусочка.

- Что это такое? – спросил Босх.

– Если бы я знал, – отозвался криминалист. – Мишура или нечто подобное. – Он провел лучом по голый ступне. Она оказалась чистой, и Босх заключил, что с убитого стащили ботинки после того, как уложили в багажник.

- Ну вот, пока все, – подытожил Донован.

Зажегся свет, и за тело взялся Мэтьюз – принялся двигать суставы, распахнул рубашку и оценил уровень потемнения крови, поднял веки, покрутил голову. Донован вышагивал рядом и ждал, когда эксперт coronera завершит работу и он возобновит лазерное шоу.

– Гарри, хочешь наводку? – улыбнулся Донован.

– Наводку?

– Исключительно научное обоснование того, что случилось.

– Давай.

– Так вот, я полагаю, что некто накинулся на парня. Скрутил, запихнул в багажник и повез к той самой дороге. В то время парень был еще жив. На поляне убийца вышел из машины, открыл крышку и поставил ногу на бампер – он намеревался хорошо сделать свое дело, но никак не мог приставить пистолет к затылку. Ты следишь? Преступник считал, что должен хорошо справиться с задачей. Тогда он придавил своей большой ступней несчастному бедро, еще больше задвинул его в багажник – бах, бах! – и две пули в голове. Согласен?

Босх кивнул:

– Похоже, так оно и было.

Босх думал в том же направлении, но пока остерегался делать какие-либо выводы.

– А как он вернулся обратно?

– Куда?

– Если этот парень постоянно находился в багажнике, следовательно, машину все время вел убийца. Но если это так, то каким образом он вернулся в то место, где захватил Тони?

– С ним был второй, – произнес Донован. – На пиджаке отпечатки пальцев двух людей. Другой следовал за «роллс-ройсом». Женщина. Та, что дотронулась ладонью до плеча жертвы.

Босх тоже подумал об этом. Но кое-что ему не нравилось в предложенном Донованом сценарии. Только он не мог сообразить, что именно.

– Эй, Босх! – воскликнул Мэтьюз. – Я закончил. Хочешь выслушать мои соображения сейчас или прочитаешь утром в отчете?

– Давай сейчас.

– Хорошо, тогда слушай. Трупные пятна образовались и больше не менялись. Тело не перемещали с тех пор, как перестало биться сердце. – Мэтьюз сверился с планшетом. – Трупное окоченение – девяносто процентов, помутнение роговой оболочки, кожа воскового оттенка. Учитывая все перечисленное, можно предположить, что смерть наступила сорок восемь часов назад или на пару часов раньше. Обнаружите новые улики, сообщите, и мы проведем уточнение.

– Непременно.

Он понимал, что подразумевал Мэтьюз под новыми уликами. Судмедэкспертам важно было знать, что и когда ела жертва в последний день жизни. Тогда, анализируя, насколько переварилась пища в желудке, они могли точнее определить момент смерти.

– Что ж, он в полном вашем распоряжении. Есть соображения, когда до него дойдет очередь?

– Вам не повезло – угодили на самый конец недели. В округе двадцать семь убийств. И всех положено вскрывать. Вряд ли до него дойдут руки до среды. И то еще хорошо. Не звоните нам. Мы вам сами позвоним.

– Как же, как же, ваши правила известны.

Но Босха не очень смутила затяжка со вскрытием. В подобных случаях аутопсия редко приносит сюрпризы. Было вполне очевидно, каким образом погиб человек. Загадка заключалась в ином: кто и с какой целью его убил?

Мэтьюз с подручными увезли труп, оставив Босха и Донована наедине с «роллс-ройсом». Криминалист стоял и оценивающе смотрел на машину, словно матадор, которому вот-вот предстоит вступить в схватку с быком.

– Ничего, мы вытащим из нее секреты, Гарри.

Раздался сигнал телефона. Босх не сразу извлек аппарат из кармана.

– Установление личности подтверждено. Это Алисо, – доложил Эдгар.

– На основе отпечатков пальцев?

– Да. У Мосслера дома установлен факс. Я послал ему все материалы, чтобы он оценил их.

Мосслер был специалистом по неразборчивым отпечаткам пальцев.

– Он сделал заключение по большому пальцу на водительских правах?

– Да. Плюс я послал ему старый набор «пальчиков», оставшийся после ареста за домогательство. Мосслер не сомневается, что это Алисо.

– Молодец. Отличная работа. Что еще ты накопал?

– Пробил нашего клиента. Довольно чист. Только тот арест за домогательство в семьдесят пятом. Хотя есть кое-что другое. Фамилия всплывала в связи с мартовским ограблением в его доме. И гражданские иски – видимо, нарушение контрактов. Множество невыполненных обещаний и разъяренных людей. Как тебе мотивчик, Гарри?

– Что это за процессы?

– У меня пока все. Я справился с индексом гражданских дел, но там только упоминания. Выясню детали, когда сумею выбраться в суд.

– Проверил пропавших без вести?

– Да. О нем никто не заявлял. А у тебя есть что-нибудь новенькое?

– Не исключено, что нам повезло. Мы обнаружили на теле отпечатки пальцев. Принадлежат двум людям.

– На теле? Здорово!

– На кожаном пиджаке.

Босх почувствовал, как разволновался Эдгар. Оба детектива понимали, что даже если отпечатки пальцев принадлежали не преступникам, то уж явно людям, которые видели жертву незадолго до смерти.

– Ты позвонил в ОБОП?

Босх ждал этого вопроса.

– Они нам дают зеленую улицу.

– В каком смысле?

– В том, что мы можем заниматься расследованием. Во всяком случае, до тех пор, пока не нароем что-нибудь интересное для них.

Босху пришло в голову: Эдгар не поверил, что он звонил специалистам по организованной преступности.

– Странно.

– Да, непонятно. В общем, нам остается заниматься своими обязанностями. Есть какие-нибудь известия от Киз?

– Пока нет. С кем ты разговаривал в ОБОП?

– С неким человеком по фамилии Карбоун. Он сегодня на связи.

– Никогда о таком не слышал.

– Я тоже. Ладно, Джерри, мне пора. Дай знать если что.

Как только Босх разъединился, ворота ангара открылись и на пороге появилась лейтенант Грейс Биллетс. Она окинула помещение взглядом и, заметив работающего в машине Донована, предложила Босху выйти. Он сразу догадался, что Биллетс недовольна.

Ей было за сорок, и она служила в полиции столько, сколько сам Босх. Биллетс, как и все, менялась напарниками, но до того, как она вступила в лейтенантскую должность, им не приходилось трудиться вместе. Она была среднего телосложения, коротко стригла каштановые с рыжинкой волосы и никогда не красилась. Всегда одевалась в черное – джинсы, майку и блей-

зер. Носила черные ковбойские сапоги. Единственной данью ее женственности были тоненькие золотые серьги-колечки. Биллетс отличала черта характера всегда добиваться своего.

– Что происходит, Гарри? Ты привез тело прямо в машине?

– Пришлось. Не было выбора: либо так, либо выгружать на глазах десяти тысяч людей, которые пялились бы на нас, вместо того чтобы любоваться фейерверком.

Босх подробно объяснил ситуацию, Биллетс молча слушала. Когда он замолчал, лейтенант кивнула:

– Извини, не знала деталей. Похоже, у тебя действительно не было выбора.

Босху нравилась в ней эта черта. Когда Биллетс чувствовала свою неправоту, всегда была готова признать ее.

– Спасибо, лейтенант.

– Ну, так что мы имеем?

Когда Босх и Биллетс вернулись в ангар, Донован стоял за одним из рабочих столов и изучал кожаный пиджак. Он развесил его на проволоке внутри галлонного аквариума и бросил туда же пакет для исследования твердых вещественных улик. После вскрытия из пакета выходил цианакриловый дым, соединялся с аминокислотами и жиром, которые остались там, где предмета касались пальцы, от чего спирали и завитки отпечатков становились видимыми и пригодными для фотосъемки.

– Как тут у тебя? – спросил Босх.

– Неплохо. Что-нибудь мы из этого извлечем. Давненько не виделись, лейтенант.

– Привет, привет, – произнесла Биллетс.

Босх догадался, что она забыла имя криминалиста.

– Слушай, Арт, – начал он, – когда ты закончишь, отправь материалы в лабораторию отпечатков пальцев и позвони мне или Эдгару. А мы придем туда кого-нибудь по «коду-три».

«Код-три» являлся условным паролем патрульных машин, он предусматривал разрешение на включение сирены и проблесковых маячков. Босху требовалось разобраться с отпечатками пальцев как можно быстрее. Пока это его основная зацепка.

– Хорошо, Гарри.

– А как насчет «роллс-ройса»? Можно забраться в салон?

– Забирайся, но будь осторожен.

Босх исследовал салон, проверил дверные карманы, карманы сидений и ничего не нашел. Осмотрел пепельницы и обнаружил, что они пусты – нет даже следов пепла. Видимо, хозяин автомобиля не курил.

Биллетс стояла рядом, наблюдала, но не помогала. Она доросла до своей должности благодаря способностям руководителя, а не детектива. И понимала, что порой не следует вмешиваться.

Босх заглянул под сиденья и опять не нашел ничего интересного. Открыл перчаточник, и оттуда вывалился клочок бумаги – счет со стоянки аэропорта. Держа за уголок, Босх отнес его на рабочий стол и попросил Донована:

– Проверь на отпечатки пальцев, когда освободишься.

Затем вернулся к перчаточнику и вынул из него договор на аренду и документы на машину, сервисную книжку и набор инструментов с фонариком. Там же лежал полупустой тюбик, содержащий антигеморроидальное средство. Странное место для хранения, однако Босх решил, что Алисо держал в автомобиле лекарство на случай дальних поездок. Он упаковывал каждый предмет из перчаточника отдельно. И вдруг заметил в наборе инструментов запасную батарейку. Это вызвало у него недоумение. В фонаре было две батарейки, и держать одну про запас не имело смысла.

Босх попробовал выключатель фонарика – лампочка не зажглась. Он открутил крышку – из корпуса выпала батарейка. Он заглянул внутрь: в цилиндре находился пластиковый пакетик.

Босх вытащил его при помощи карандаша. Пакетик содержал примерно две дюжины коричневых капсул.

Биллетс подошла ближе.

– Колеса для подогрева. Возбуждают и усиливают оргазм. – Внезапно Босху захотелось объяснить ей, что эти знания основаны не на личном опыте. – Такое встречалось в прошлых делах.

Лейтенант кивнула. Донован принес уложенный в прозрачный пакет счет:

– Парочка смазанных есть, но с ними не поработаешь.

Босх взял пакет и вместе с другими вещественными уликами положил на стол:

– Арт, я беру счет, капсулы и автомобильную сервисную книжку. Хорошо?

– Да.

– У тебя остаются конверт авиакомпании и бумажник. Пожалуйста, ускорь анализ отпечатков с пиджака. Так, что еще? Ах да, всякая мелочовка. Что ты о ней скажешь?

– Надеюсь, что завтра займусь. Брошу взгляд на наши ниточки, но боюсь, что это материал всего лишь для подтверждения или исключения.

Его слова означали, что все собранное в свете лазера с ткани удостоится беглого осмотра, а затем отправится на хранение до той поры, когда будет установлена личность подозреваемого. И материал используют, чтобы связать подозреваемого с местом преступления или, напротив, исключить такую связь.

Босх взял с полки над столом большой конверт, сложил в него все улики, спрятал в кейс и защелкнул замки. А затем вместе с Биллетс двинулся к двери.

– Рада была встретиться, Арт! – бросила на прощание лейтенант.

– Взаимно, – отозвался криминалист.

– Позвонить в гараж, вызвать тебе машину? – спросил у него Босх.

– Не надо. Я побуду здесь. Повожусь с пылесосом. Может, что-нибудь придумаю. Я сам о себе позабочусь.

– Ну, тогда до встречи.

Босх и Биллетс миновали ангарные шторы, потом ворота. На улице Босх закурил и посмотрел в темное, без единой звезды небо. Лейтенант последовала его примеру и тоже зажгла сигарету.

– Куда дальше?

– К родственникам. Хочешь со мной? Веселое занятие.

Грейс улыбнулась и промолвила:

– Нет, воздержусь. Но прежде, чем мы разъедемся, признайся, что ты думаешь? Меня беспокоит, что ОБОП так легко отфутболил дело.

– Меня тоже. – Босх затянулся и выпустил дым. – Ощущение такое, будто дело будет не из простых. Если не повезет с отпечатками пальцев. Пока это наш единственный успех.

– Передай своим ребятам, что в восемь часов я жду всех за круглым столом. Решим, что делать дальше.

– Давай лучше в девять, лейтенант. К тому времени мы получим от Донована какие-нибудь сведения по поводу отпечатков пальцев.

– Хорошо, в девять так в девять. До встречи. И вот еще что, Гарри, когда мы беседуем с тобой вот так... неофициально... зови меня Грейс.

– Договорились. Спокойной ночи, Грейс.

Она энергично выпустила сигаретный дым и коротко рассмеялась:

– Хочешь сказать, то, что от нее осталось?

По дороге к Малхолланд-драйв и Хидден-Хайлендс Босх отправил Райдер сообщение на пейджер, и она перезвонила ему из одного из домов. Кизмин сообщила, что это последний дом, выходящий окнами на поляну, где стоял «роллс-ройс». Удалось выяснить, что один из жителей

заметил с заднего крыльца белый «роллс-ройс» в субботу в десять утра. И он же заявил, будто в пятницу вечером выходил полюбоваться закатом и машины там не было.

– Это совпадает со временем, которое предполагают медики, и авиационным билетом. Будем считать временем X ночь с пятницы на субботу. После того как он вернулся из Лас-Вегаса. Вероятно, его перехватили по дороге из аэропорта. Выстрелов никто не слышал?

– Нет. Но в двух домах мне пока не открыли. Я собираюсь вернуться к ним и попытаться еще.

– Может, поймаешь завтра. Я направляюсь в Хидден-Хайлендс. Тебе лучше поехать со мной.

Они договорились встретиться рядом с местом, где жил Алисо, и Босх разъединился. Он хотел, чтобы Киз была рядом с ним, когда он объявит родственникам Алисо, что его убили. Не для того, чтобы она набиралась мрачного опыта, а потому, что, согласно статистике, родных тоже не следовало исключать из числа подозреваемых. Всегда полезно иметь свидетеля, впервые беседуя с тем, кто впоследствии может оказаться обвиняемым.

Босх посмотрел на часы. Было почти десять. Если принять во внимание, что им предстоит визит к родным убитого, в его офис они до полуночи попасть не успеют. Он позвонил в центр связи, назвал оператору адрес на Мелроуз и попросил свериться со справочником. Как Босх и предполагал, там находилась «Арчуэй». Это – удача. «Арчуэй» представляла собой студию средней величины, которая в основном сдавала помещения и оборудование независимым кинопроизводителям. И насколько он слышал, с шестидесятых годов не выпускала собственную кинопродукцию. Удача заключалась в том, что Босх знал кое-кого из охраны. Бывший коп из отдела ограблений и убийств Чикки Мичум несколько лет назад ушел в отставку и устроился на работу заместителем директора по безопасности «Арчуэй». Знакомство могло помочь. Босх хотел заранее позвонить, чтобы Мичум встретил их, но передумал. Лучше, чтобы никто не знал о его визите, пока он не доберется до места.

Путь до Хидден-Хайлендс занял пятнадцать минут. Машина Райдер припарковалась у Малхолланд-драйв. Босх остановился рядом, и Киз пересела в его автомобиль. Он тронулся и свернул на подъездную дорожку, которая шла мимо сторожки – небольшого кирпичного строения с охранником внутри. Хидден-Хайлендс хоть и считался богаче других расположенных на холмах вокруг Лос-Анджелеса зажиточных кварталов, но отличался от них не намного. Стены, ворота, сторожки и частная охрана – вот те составляющие так называемого плавильного котла³ Южной Калифорнии.

Из сторожки вышел охранник в синей форме с планшетом в руках. Босх достал и раскрыл значок. Охранник был высоким, худощавым мужчиной с осунувшимся серым лицом. Босх его не узнал, хотя коллеги утверждали, что все здешние охранники – свободные от дежурства полицейские из Голливудского отделения. Когда-то он сам видел на стене у дежурной части объявления с предложениями подработать.

Охранник бросил на него оценивающий взгляд, демонстративно отвернувшись от значка:

– Чем могу служить?

– Мне нужно попасть в дом Энтони Алисо. – Босх назвал адрес, который значился в водительских правах убитого.

– Ваша фамилия?

– Детектив Гарри Босх, полицейское управление Лос-Анджелеса. А это детектив Кизмин Райдер.

³ Имеется в виду формирование за два с лишним века единой американской нации, объединившей иммигрантов различных рас и национальностей.

Босх снова показал охраннику значок, но это опять не произвело на того впечатления. Охранник листал свои записи. Босх прочитал имя на его нашивке: «Нэш». И слово «капитан» на небольшом значке.

– Вас ждут в доме Энтони Алисо?

– Сомневаюсь. Это полицейское дело.

– Хорошо. Но прежде я должен позвонить. Таковы правила.

– Я попросил бы вас этого не делать, капитан Нэш. – Босх рассчитывал, что, обратившись к охраннику по званию, он завоюет его симпатию.

Нэш несколько секунд размышлял.

– Ладно, проезжайте. А я придумаю причину, почему задержался со звонком. Если поступят жалобы, объясню, что нынешней ночью дежурил один и замотался.

Нэш отступил, шагнул в открытую дверь сторожки и нажал кнопку. Двойной шлагбаум поднялся.

– Спасибо, капитан. Вы работаете в Голливудском отделении?

Хотя Босх уже понял, что это не так. Нэш вообще не был копом. Его глаза не отливали холодом, как у всякого полицейского. Но он решил ему подыграть, надеясь, что в будущем капитан окажется полезным источником информации.

– Нет, – произнес Нэш. – Я здесь на полной ставке. Меня назначили капитаном над всеми остальными. Вот те служат в Голливуде или Западном Голливуде. А я занимаюсь расписанием.

– Поэтому дежурите в воскресную вечернюю смену?

– У каждого могут быть сверхурочные.

Босх кивнул:

– Вы совершенно правы. Где Хиллкрест?

– Второй поворот налево – это и будет Хиллкрест. Дом Алисо – шестой с правой стороны. Из бассейна открывается прекрасный вид на город.

– Вы его знали? – Райдер наклонилась, чтобы видеть охранника через водительское окно.

– Алисо? – переспросил Нэш, сгибаясь, чтобы взглянуть на пассажирку. – Нет. Не больше, чем всех остальных, проезжающих по этой дороге. Я для них все равно что садовник или обслуживающий бассейн рабочий. А почему вы спросили о нем в прошедшем времени? Что, ближе узнать уже не придется?

– А вы, оказывается, сообразительный парень, Нэш. – Райдер распрямилась, давая понять, что разговор завершен.

Босх поблагодарил капитана и направил машину по подъездной дорожке, ведущей к Хиллкресту. Пока они ехали мимо прилизанных лужаек, которые окружали дома размером с многоквартирные корпуса, он рассказал Райдер о том, что удалось выяснить в ангаре и узнать от Эдгара. И одновременно любовался местными особняками. Их окружали высокие стены или заборы из зеленых насаждений, которые, очевидно, каждый день подстригали, настолько они выглядели ухоженными. Стены внутри стен, подумал Босх. Интересно, что еще делают со своими владениями хозяева, помимо того что их так рьяно охраняют?

Потребовалось всего пять минут, чтобы отыскать дом Алисо на гребне холма. Босх миновал открытые ворота и по вымощенной камнем закругленной аллее направился к особняку в стиле эпохи Тюдоров. Остановился у входа, достал кейс и окинул взглядом дом. Его размеры впечатляли. Даже если бы у Босха было много денег, он ни за что не согласился бы жить здесь.

Он нажал кнопку звонка и обратился к Райдер:

– Когда-нибудь приходилось заниматься подобным?

– Нет. Но я выросла на юге Лос-Анджелеса. Там всякое случалось. Я часто оказывалась рядом, когда приносили печальные известия.

Босх покачал головой:

– Не хочу умалять твой опыт, но у нас все иначе. Важно не только услышать, что тебе ответят, но и понять, что за этим стоит.

Он снова нажал светящуюся кнопку, и в доме зазвенел звонок. Райдер собиралась что-то спросить, но дверь отворилась, и на пороге появилась женщина.

– Миссис Алисо? – промолвил Босх.

– Да.

– Миссис Алисо, я детектив Гарри Босх из Управления полиции Лос-Анджелеса. Это мой напарник, детектив Кизмин Райдер. Нам необходимо поговорить с вами относительно вашего мужа.

Он раскрыл значок и протянул ей. Миссис Алисо взяла его. Как правило, люди так не поступали. Обычная реакция – отшатнуться или уставиться на значок, словно неприятно дотронуться до столь странного, диковинного предмета.

– Я не совсем понимаю... – начала она, но ее прервал послышавшийся в глубине дома звонок телефона. – Прошу прощения... Я сейчас.

– Это, скорее всего, Нэш, ваш охранник. Он собирался позвонить предупредить, но за нами у ворот выстроилась очередь машин. Видимо, мы его опередили. Нам нужно побеседовать с вами, мэм.

Миссис Алисо отступила в сторону и шире открыла перед ними дверь. На вид она была на пять или даже на десять лет моложе мужа. Примерно около сорока, подтянутая, привлекательная, с темными прямыми волосами. Обилие косметики, и Босх заметил, что черты ее лица уже подправлял скальпель хирурга. Но несмотря на косметику, она выглядела усталой и измученной. Лицо горело, будто она пила спиртное. Легкое синее платье выше колен. Ноги загорелые, стройные. Судя по всему, в прошлом она была очень привлекательной, но теперь вступала в такой возраст, когда женщины думают, будто их красота увядает, хотя на самом деле это не так. Наверное, отсюда вся эта косметика, решил Босх. Или она еще надеется, что муж вернется.

Босх затворил за собой дверь, и вслед за хозяйкой они прошли в просторную гостиную, где развешанные по стенам современные картины никак не сочетались со стоящей на ворсистом ковре французской антикварной мебелью. Телефон не переставал звонить. Миссис Алисо пригласила Босха и Райдера садиться, а сама удалилась в другую комнату. Босх услышал, как она ответила на звонок, успокоила Нэша, чтобы тот не волновался по поводу задержки с предупреждением о появлении полиции, и повесила трубку. Затем вернулась в гостиную и опустилась на диван с тусклыми цветами на обивке. Гости устроились на стульях. Босх окинул взглядом гостиную и не заметил ни одной фотографии в раме – только произведения искусства. Это первое, на что он обращал внимание, когда пытался установить, какие отношения существуют между хозяевами.

– Простите, – промолвил он, – не знаю вашего имени.

– Вероника Алисо. Что с моим мужем? Он пострадал?

Босх подался вперед. Он много лет прослужил в полиции, но к подобным ситуациям так и не сумел привыкнуть и никогда не знал, правильно ли себя ведет.

– Миссис Алисо... мне очень жаль, ваш муж умер. Его убили.

Он пристально наблюдал за женщиной. В первую минуту она ничего не ответила, лишь скрестила руки на груди, лицо исказила болезненная гримаса. Слез не было. Пока. Босх по опыту знал, что люди либо начинают сразу рыдать, либо плачут позднее, когда до сознания доходит, что кошмар происходит на самом деле.

– Я не... Как это случилось? – прошептала она, глядя в пол.

– Вашего мужа нашли в его машине. Он был застрелен.

– В Лас-Вегасе?

– Нет, здесь. Неподалеку отсюда. Складывается впечатление, что это произошло, когда он возвращался из аэропорта домой и кто-то его остановил. Но мы пока не уверены. Автомобиль обнаружили у Малхолланд-драйв, неподалеку от «Голливудской чаши».

Женщина сидела, опустив голову. Босх почувствовал себя виноватым из-за того, что не испытывает к миссис Алисо сострадания. Подобное случалось с ним часто. Подозрительность притупляла сочувствие.

– Могу я вам что-нибудь предложить, миссис Алисо? – вмешалась Райдер. – Воды? У вас есть кофе? Или хотите что-нибудь покрепче?

– Нет. Я в порядке, спасибо. Но это страшное потрясение.

– В доме есть дети? – спросила Райдер.

– Нет... У нас нет детей. Вы знаете, что случилось? Его ограбили?

– Это-то мы как раз и пытаемся выяснить, – сказал Босх.

– Да-да, конечно. Он сильно страдал?

– Нет, он не испытывал боли, – успокоил женщину Босх и вспомнил о застывших в уголках глаз убитого слезах. Но решил об этом не упоминать.

– Тяжелая у вас работа, – заметила миссис Алисо. – Рассказывать людям о таких вещах.

Детектив кивнул и отвернулся. Вспомнилась старая полицейская шутка, каким образом легче всего извещать родственников о гибели их близких: как только миссис Браун открывает дверь, ее надо немедленно огорошить вопросом: «Это вы вдова Браун?»

– Почему вы спросили, не случилось ли это в Лас-Вегасе? – произнес Босх.

– Потому что муж уезжал именно туда.

– Как долго он собирался оставаться в этом городе?

– Не знаю. Он никогда не планировал свои возвращения. Приобретал билет с открытой датой, чтобы иметь возможность вылететь, когда ему вздумается. Говорил, возвратится, когда изменит удача.

– У нас есть основания полагать, что он прилетел в Лос-Анджелес в пятницу вечером. Но машину обнаружили лишь сегодня, то есть через два дня. Вы не пытались звонить ему в Лас-Вегас в этот период?

– Нет. Когда он уезжал туда, мы обычно не разговаривали по телефону.

– А как часто он туда ездил?

– Раз или два в месяц.

– Надолго?

– На пару дней, а однажды пробыл целую неделю. Все зависело от того, как у него шли дела.

– И вы никогда ему не звонили?

– Редко. А в этот отъезд – ни разу.

– Что его туда тянуло: бизнес или развлечения? – поинтересовался Босх.

– Он объяснял, что и то и другое. Говорил, ему необходимо встретиться с инвесторами.

Но я понимала: он лжет. Он любил игру и мог позволить себе играть. Поэтому и уезжал.

– Когда он уехал в последний раз?

– В четверг. Прямо со студии.

– Когда вы видели его?

– В четверг утром, перед тем как он отправился на работу. Оттуда он поехал в аэропорт. Так ближе.

– Вы не имели ни малейшего представления, когда ждать мужа обратно. – Это прозвучало скорее не как вопрос, а как утверждение. Пусть выразит свое несогласие, если захочет.

– Честно говоря, я задумалась об этом сегодня вечером. Там, куда он уезжал, люди быстро расстаются с деньгами. Да, я уже начала недоумевать, почему он задерживается, но не пыталась его искать. И тут явились вы.

– Во что он предпочитал играть?

– Во все. Но главным образом в покер. Единственная игра, в которую играют не с казино, а с партнером. Казино снимает процент, но игра ведется не с заведением, а с противником. Так он мне однажды объяснил. Только назвал других игроков не противниками, а недотепами из Айовы.

– Он бывал там один? – Босх потупился и сделал вид, будто записывает в блокнот нечто важное, а ответ миссис Алисо, напротив, его нисколько не волнует. И признался себе, что проявил малодушие.

– Я не пыталась узнать.

– Вы никогда с ним не ездили?

– Я не люблю играть. И не люблю Лас-Вегас. Ужасный город. Как бы его ни приукрашивали, это – средоточие порока и продажных женщин. И не только в сексуальном отношении.

Ее темные глаза блеснули холодной яростью.

– Вы не ответили на вопрос, миссис Алисо, – напомнила ей Райдер.

– На какой вопрос?

– Вы сами ездили в Лас-Вегас?

– Сначала – да. Но нашла это скучным. И уже несколько лет там не появлялась.

– Ваш муж попадал в серьезные долги? – спросил Босх.

– Не знаю. Если и так, он мне ничего не рассказывал. Вы можете называть меня Вероникой.

– Вы не интересовались, не случилось ли у него неприятностей? – задала вопрос Райдер.

– Полагала, он мне сообщит, если произойдет нечто особенное.

Она перевела тяжелый взгляд на Райдер, и Босх почувствовал облегчение. А ведь Вероника Алисо бросила им вызов оспорить ее слова.

– Понимаю, это кажется подозрительным, но мне было все равно, – продолжила она. – Вы обязаны выполнять свою работу, поэтому хочу, чтобы вам стало ясно: мы с мужем... сосуществовали друг с другом. По поводу вашего вопроса насчет Лас-Вегаса: я понятия не имела, то ли он проигрывал миллион, то ли выигрывал миллион. Может, ему и приваливало счастье. Только, думаю, он не удержался бы и похвастался.

Босх вспомнил убитого и решил, что мистер Алисо в багажнике нисколько не походил на человека, которому привалило хоть сколько-нибудь счастья.

– Где он останавливался в Лас-Вегасе?

– Всегда в «Мираже». Я точно знаю. Не все казино держат столы для игры в покер. А «Мираж» – да, и шикарные. Муж меня предупреждал: если соберусь ему позвонить, чтобы звонила в «Мираж». Но если он не ответит в номере, следовало попросить, чтобы переключили на покерный зал.

Босх записал ее показания в блокнот. Он по опыту знал: молчание – лучший способ заставить людей разговориться и проявить себя. И надеялся, что Райдер догадается, что он нарочно делал в допросе паузы.

– Так вы спросили, ездил ли он туда один?

– Да.

– Вот что, детективы: в ходе расследования вы непременно обнаружите, что мой муж – ловелас. Прошу вас об одном: сохраните эту информацию в тайне от меня. Я ничего не хочу знать.

Босх кивнул, собираясь с мыслями. А какая бы женщина хотела такое знать? Разве что та, которая уже знает. Он поднял голову, и их взгляды встретились.

– Вы не слышали, были ли у вашего мужа какие-нибудь проблемы? Деловые, финансовые?

– Насколько мне известно, нет. Но он не говорил о деньгах, и я не могу вам сообщить, каково наше финансовое положение в данный момент. Если мне требовались деньги, я сообщала ему, и он всегда отвечал, чтобы я назвала ему сумму и получила по чеку. На ведение хозяйства у меня имеется отдельный счет.

– Еще немного, и мы вас на время оставим, – промолвил Босх, не отрывая взгляда от блокнота. – У вашего мужа были враги? Люди, которые желали бы ему навредить?

– Он работал в Голливуде, где удар в спину принято считать одним из видов искусства. Энтони, как любой другой, кто проработал в отрасли двадцать пять лет, сам поднаторел в этом деле. Естественно, могли найтись люди, которые его не любили. Но я не представляю, что кто-нибудь из них способен решиться на убийство.

– Автомобиль «роллс-ройс» был сдан внаем его студии при посредстве студии «Арчуэй». Как долго они сотрудничают?

– Его офис располагался на территории «Арчуэй», но непосредственно он никогда на них не работал. Студия «ТНА» принадлежала ему. Он просто снимал у «Арчуэй» помещение и место на автостоянке, но больше не имел с ними никаких дел.

– Расскажите нам о его студии, – попросила Райдер. – Он снимал фильмы?

– Можно сказать и так, но с натяжкой. Энтони замахнулся на большое, а закончил малым. Примерно двадцать лет назад он выпустил свой первый фильм «Искусство мулеты». Если вы его посмотрели, то были одними из немногих зрителей. Картины о бое быков у нас не в чести. Но критика оценила фильм, его прокрутили на кинофестивале, демонстрировали на некоммерческих просмотрах. Это стало хорошим стартом.

Миссис Алисо сообщила, что муж сумел снять пару фильмов для общего проката, но затем его творческие и моральные принципы настолько снизились, что он выпустил череду откровенно позорных лент.

– Эти, с позволения сказать, фильмы отличались исключительно количеством обнаженных грудей, – пояснила она. – Профессионалы называют их «только для видео». И еще Энтони преуспел в литературном арбитраже.

– То есть?

– Спекулировал. В основном сценариями. Но при случае не пренебрегал рукописями книг.

– И каким же образом он ими спекулировал?

– Скупал. Приобретал права. А потом, когда рукописи повышались в цене или автор становился раскрученным, выбрасывал на рынок. Вы слышали о Майкле Сент-Джоне?

Фамилия показалась Босху знакомой, но он не мог вспомнить, кто он такой. Он покачал головой, и Райдер повторила его жест.

– Один из нынешних модных сценаристов. Через год или два станет режиссером игровых картин. Если так можно выразиться, гвоздь сезона.

– Понятно.

– Восемь лет назад он учился на кинематографических курсах в Университете Южной Калифорнии, бедствовал, старался отыскать агента и привлечь к себе внимание студий. А мой муж был тем стервятником, который кружил над его головой. Понимаете, его фильмы были настолько низкобюджетными, что он привлекал студентов в качестве сценаристов и режиссеров. Он знал всех, кто учился, и находил таланты. Одним из таких талантов был Майкл Сент-Джон. Однажды, когда он находился в отчаянном положении, он продал за две тысячи долларов три своих студенческих сценария. А теперь все, что вышло из-под его пера, оценивается не менее чем шестизначной цифрой.

– И как эти авторы принимают такое положение?

– Не очень. Сент-Джон уже пытался выкупить свои сценарии.

– Вы полагаете, он способен причинить вред вашему мужу?

– Нет. Вы задали вопрос, чем занимался Энтони, и я вам ответила. Но если вы хотите спросить, кто его убил, я вам скажу: не знаю.

Босх черкнул еще пару строчек в блокноте.

– Так вы утверждаете, что он намеревался встретиться в Лас-Вегасе со своими инвесторами? – вступила в разговор Райдер.

– Да.

– Кто они такие?

– Какие-нибудь «недотепы из Айовы». Энтони встречался с людьми и уговаривал их вкладывать деньги в кинопроизводство. Вы не поверите, сколько людей готовы расстаться с долларами, чтобы приобщиться к голливудскому кинобизнесу. Муж был хитрым торговцем. Умел представить ролик с бюджетом в два миллиона шедевром не хуже «Унесенных ветром». Не устояла даже я.

– Как?

– Уговорил меня поучаствовать в одном из его кинофильмов. Так мы и познакомились. Убедил, что из меня получится новая Джейн Фонда. Сексуальная, но утонченная. Это был павильонный проект. Вот только режиссер сидел на кокаине, сценарист не умел сочинять, и лента оказалась настолько дрянной, что так и не вышла на экран. Моя карьера кинозвезды на этом закончилась. А Тони с тех пор не снимал павильонных картин. Всю жизнь делал всякое видеобарахло.

Босх обвел взглядом гостиную с высоким потолком, мебель и картины на стенах:

– Судя по всему, он недурно с этим справлялся.

– Да, – согласилась миссис Алисо. – Думаю, за все следует благодарить «недотеп из Айовы».

Фраза была произнесена с такой горечью, что Босх опустил голову, только бы не смотреть на миссис Алисо.

– Мне нужно выпить воды. Хотите воды или чего-нибудь еще?

– Вода – это прекрасно, – кивнул Босх. – Мы вас долго не задержим.

– А вы, детектив Райдер?

– Спасибо, ничего.

– Я скоро вернусь.

Пока миссис Алисо отсутствовала, Босх поднялся и принялся с безразличным видом осматривать гостиную. С Райдер они не обменялись ни словом. Когда хозяйка вернулась, он стоял около стеклянной статуэтки обнаженной женщины. В руках у Вероники Алисо были два стакана воды со льдом.

– Мне надо задать вам еще несколько вопросов относительно последней недели, – произнес Босх.

– Хорошо.

Он сделал глоток и спросил:

– Какой багаж взял в Лас-Вегас ваш муж?

– Только саквояж с самым необходимым.

– Как он выглядел?

– Сумка с ручкой через плечо. Знаете, из тех, что складываются. Зеленая, с кожаной отделкой и ремешками. На ней была табличка с его фамилией.

– А кейс? Он брал с собой работу?

– Да, у него был кейс. Алюминиевый. Легкий, но очень крепкий, с надежными замками. Такие кейсы очень трудно вскрыть. Его багаж пропал?

– Мы пока не уверены. Вы знаете, где ваш муж держал ключи от кейса?

– На общей цепочке. Вместе с ключом от машины.

Ни в «роллс-ройсе», ни на трупе ключей от машины не оказалось. Босх решил, что связку забрали, очевидно, для того, чтобы открыть кейс. Он поставил стакан рядом со статуэткой и принялся заносить в блокнот описание кейса и сумки.

– Ваш муж носил обручальное кольцо?

– Нет. Но у него были очень дорогие часы. «Ролекс». Я их ему подарила.

– Часы остались при нем.

– Вот как?

– Вы можете вспомнить, в чем был одет ваш муж утром в четверг, когда вы в последний раз его видели?

– Мм... одежда... Светлые брюки, голубая рубашка и кожаный спортивный пиджак.

– Черный спортивный пиджак?

– Да.

– Миссис Алисо, вспомните, пожалуйста, вы целовали или обнимали его на прощание? Женщина разволновалась, и Босх пожалел, что неправильно сформулировал вопрос.

– Извините. Дело в том, что мы обнаружили отпечатки пальцев на его плече. Если вы касались мужа в день его отъезда, это объясняет наличие улики.

Несколько мгновений миссис Алисо молчала, и Босх решил, что сейчас она расплчется. Но вместо этого Вероника промолвила:

– Не исключено... но я не помню. Пожалуй, нет.

Босх открыл кейс и стал искать экран для снятия отпечатков пальцев. Он обнаружился в одном из кармашков. Экран был похож на двусторонний слайд: между двумя пленками находились чернила. Если приложить палец к верхней пленке, то на карточке-подложке нижней отображался отпечаток.

– Мне нужен отпечаток вашего большого пальца, чтобы сравнить с тем, что мы нашли на пиджаке. Если вы не дотрагивались до мужа, это может быть ценной уликой.

Миссис Алисо подошла, и Босх приложил к экрану большой палец ее правой руки.

– Никаких чернил.

– Да, хорошая штука – обходимся без грязи. Мы начали пользоваться такими несколько лет назад.

– Отпечаток на пиджаке принадлежит женщине?

Босх поднял голову, и они несколько секунд смотрели друг на друга.

– Определить можно после того, как будет найден другой такой же.

Когда он укладывал экран и карточку с отпечатком в кейс, ему на глаза попался пакет с вещественными доказательствами, в котором лежали коричневые капсулы. Он вынул его и показал миссис Алисо:

– Вы знаете, что это такое?

Она прищурилась и покачала головой.

– Амилоидный нитрат. Некоторые пользуются этим средством для усиления полового влечения и обострения наслаждения во время акта. Вы замечали, чтобы ваш муж применял такие капсулы?

– Вы нашли это у него?

– Миссис Алисо, я предпочел бы, чтобы вы просто отвечали на мои вопросы. Понимаю, это трудно, но есть такие вещи, которые я пока не могу вам сказать. Обещаю, вы обо всем узнаете, как только будет возможно.

– Нет, он не пользовался капсулами... со мной.

– Прошу прощения, что вмешиваемся в ваши личные дела, но мы намерены поймать того, кто совершил преступление. Итак, ваш муж был на десять или на двенадцать лет старше вас. – Босх польстил хозяйке. – Вы не замечали, что у него начались сексуальные расстройства? Может, он пользовался, так сказать, подогревом, а вы просто не знали?

Она вернулась к дивану и села:

– Я бы об этом никогда не узнала.

Босх удивился. Что она хотела сказать?

– Детектив, у меня с мужем не было... как это говорится в подобных случаях... сексуальных отношений. Почти два года.

Босх кивнул и уткнулся в свой блокнот. Страничка оставалась чистой, но, пока миссис Алисо смотрела на него, он не мог заставить себя записать последнюю информацию. Он закрыл блокнот и отложил в сторону.

– Вы хотите спросить меня почему?

Он молча смотрел на нее.

– Муж потерял ко мне интерес, – с вызовом произнесла миссис Алисо.

– Вы уверены?

– Он заявил мне это прямо в лицо.

– Миссис Алисо, я сочувствую вашей потере и прошу прощения за то, что приходится задавать такие личные вопросы, однако боюсь, что по ходу расследования их появится еще больше.

– Понимаю.

– Вот что я хотел бы выяснить...

– Я вас слушаю.

– У вашего мужа был дома кабинет?

– Да.

– Мы могли бы осмотреть его?

Миссис Алисо встала, и они проследовали за ней в кабинет. Он представлял собой небольшую комнату с письменным столом и двумя шкафами для бумаг. Напротив стола, перед стеллажом, на столике с колесиками стоял телевизор. Половина полок занята книгами, другая – сценариями; их названия были написаны толстым маркером на срезе страниц. В углу у стены стояла сумка для гольфа.

Босх подошел и осмотрел стол – на крышке лежали два скоросшивателя. Первая папка оказалась пустой, а во второй хранились бумаги – личные финансовые записи и налоговые документы. Босх закрыл папки, решив, что с обыском кабинета можно повременить.

– Сейчас поздно, – сказал он. – Не время заниматься этим. Но я хочу, чтобы вы поняли: расследования такого рода, как правило, идут по многим направлениям, однако нам необходимо учесть все. Завтра придется вернуться и осмотреть вещи вашего мужа. Кое-что, видимо, надо будет забрать, но мы принесем ордер, поэтому все будет законно.

– Да-да, разумеется. Разве я сама не могу вам дать разрешение?

– Можете. Но так будет лучше. Нам понадобятся чековые книжки, сведения о накоплениях, состоянии кредитных карточек, страховки. И вероятно, выписки о расходах со счета для ведения домашнего хозяйства.

– Когда вы придете?

– Пока не знаю. Я вам предварительно позвоню. Или кто-нибудь другой. Вы не в курсе, ваш муж оставил завещание?

– Да. Мы оба написали завещания. Они у нашего адвоката.

– Давно?

– Очень давно. Много лет назад.

– Я попросил бы вас утром позвонить адвокату и сообщить, что нам требуется копия завещания вашего мужа. Вы согласны?

– Конечно.

– А как насчет страховки?

– У нас имеются полисы. Они тоже у адвоката, Нейла Дентона в Сенчури.

– Хорошо, займемся этим завтра. А сейчас мне необходимо опечатать эту комнату. – Они вышли в коридор, Босх затворил дверь и достал из кейса липкую табличку с надписью:

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Не входит

Звонить в Управление полиции Лос-Анджелеса

214-485-4321

Он приклеил табличку на щель между дверью и косяком. Теперь, если кто-нибудь решит проникнуть в кабинет, ему придется либо разорвать бумажку, либо отклеить ее от двери. В любом случае Босх об этом узнает.

– Детектив, – тихо позвала его Вероника Алисо.

Босх повернулся.

– Вы меня подозреваете?

Он положил в карман снятую с клейкой поверхности защитную пленку.

– На данном этапе мы подозреваем всех и никого конкретного. Работаем по всем направлениям. Однако не скрою, миссис Алисо, собираемся проверить и вас.

– Не припомню, чтобы раньше со мной так откровенно говорили.

– Если вам нечего скрывать, – добавила Райдер, – правда вам не повредит.

За годы работы Босх научился не произносить подобных фраз. Они звучали неискренне. Судя по усмешке, Вероника Алисо тоже это почувствовала.

– Вы занимаетесь этим недавно, детектив Райдер? – спросила она.

– Нет, мэм, я служу в полиции уже шесть лет.

– А о детективе Босхе, полагаю, и спрашивать нечего.

– Миссис Алисо, – обратился к ней Босх.

– Вероника, – поправила его она.

– Сегодня вечером мне осталось выяснить одну-единственную вещь. Мы еще не установили, когда точно убили вашего мужа. Но вы бы облегчили нам жизнь и позволили сосредоточиться на других аспектах, если бы избавили от рутинных выяснений...

– Вам надо знать, есть ли у меня алиби?

– Мы просто хотим выяснить, где вы находились последние несколько дней и ночей. Обычный вопрос, и ничего более.

– Не хочу утомлять вас своими житейскими подробностями, поскольку они утомительны. Однако после ужина с мужем в среду я в следующий раз выходила только в субботу днем в супермаркет, а остальное время находилась дома.

– Вы были одна?

– Да. Вы можете уточнить это у дежурящего у ворот капитана Нэша. Охрана ведет записи тех, кто въезжает и выезжает из Хидден-Хайлендс. Кроме того, в пятницу приходил человек, который обслуживает наш бассейн, и получил у меня чек. Я назову вам его фамилию и номер телефона.

– Пока в этом нет необходимости. Спасибо. Примите мои соболезнования. Мы можем что-нибудь сделать для вас?

Миссис Алисо словно вся ушла в себя. Босху показалось, она даже не расслышала его вопроса.

– Нет-нет, благодарю, – наконец прошептала она.

Босх взял кейс и вместе с Райдер направился по коридору. И до самой двери на стенах не встретилось ни одной фотографии. Он считал это странным, но догадывался, что в доме уже давно все шло наперекосяк. Босх изучал комнаты покойников, как ученые Музея Гетти исследовали картины давно умерших людей, – искал скрытый смысл их жизней и смертей.

Босх вышел вслед за Райдер и оглянулся. Вероника Алисо стояла в проеме двери. Он немного поколебался и сделал прощальный жест рукой.

Они ехали молча, пока не поравнялись с воротами. Им навстречу шагнул Нэш:

– Все в порядке?

– Да.

– Так он умер, этот Алисо?

– Да.

Охранник тихо присвистнул.

– Капитан Нэш, у вас ведутся записи, когда появляются и уезжают машины? – спросила Райдер.

– Ведутся. Но это частная собственность. Вам придется получить...

– Ордер на обыск? – закончил за него Босх. – Мы в курсе. Но вы можете сообщить нам об этом и сейчас.

– Нет. Пусть все будет по закону.

– Ладно.

Босх высадил Райдер у ее машины, и они каждый самостоятельно отправились в Голливудское отделение на Уилкокс-авеню. По дороге он вспоминал Веронику Алисо и гнев в ее глазах при упоминании о муже. Он размышлял над тем, чем он вызван и имеет ли отношение к делу, однако не сомневался, что с Вероникой Алисо еще предстоит встретиться.

Босх и Райдер задержались там ненадолго – выяснили, что нового у Эдгара, и выпили по чашке кофе. Затем Босх позвонил в «Арчуэй» и договорился, чтобы служба охраны вызвала из дома Чикки Мичума. Он не сообщил дежурному, в чем дело, просто сказал, что ему требуется Мичум.

В полночь они покинули отделение и, миновав зарешеченные окна «обезьянника», сели в автомобиль. Вырулив с полицейской стоянки, Босх произнес:

– Ну и как тебе она?

– Несчастливая вдова? Полагаю, от их брака мало что осталось. А уж превратило ли ее это в убийцу или нет, не знаю.

– Ни одной фотографии.

– На стенах? Я тоже заметила.

Босх закурил, но Райдер никак это не прокомментировала, хотя курение в служебной машине считалось нарушением правил.

– А ты что думаешь? – спросила она.

– Пока ни в чем не уверен. Как говорится, горечи столько, что хоть в стакан наливай, если не окажется льда. И еще мне не дают покоя несколько вопросов.

– Каких?

– Например, то, как вдова была окрашена, и то, как взяла у меня значок. Я не видел, чтобы кто-нибудь так поступал. У меня складывается впечатление, что она нас ждала.

Они подкатили ко входу в «Арчуэй», вполуполу натуральной величины парижской Триумфальной арки, и увидели Мичума. Тот стоял, курил и ждал. Он был в спортивном пиджаке поверх рубашки для гольфа. Узнав Босха, Мичум удивленно улыбнулся. Босх проработал с ним десять лет в отделе ограблений и убийств. Они не стали напарниками, но занимались одними и теми же делами. Мичум ушел в удачный момент: через месяц после того, как история Родни Кинга⁴ стала достоянием прессы. Сразу сообразил, что это начало конца. «Арчуэй» наняла его заместителем директора по безопасности. Хорошая работа, достойная зарплата плюс половина пенсии за двадцатилетнюю выслугу лет.

⁴ *Родни Кинг* – афроамериканец, в 1991 году жестоко избитый полицейскими Лос-Анджелеса при задержании. Инцидент был освещен СМИ по всему миру.

Мичум наклонился и заглянул в окно машины:

– Гарри Босх? Что случилось?

С тех пор как они не виделись, Мичум сделал себе новые искусственные белоснежные зубы.

– Чикки, давно не виделись! Познакомься, это мой напарник Киз Райдер.

Райдер кивнула. Мичум поздоровался и несколько мгновений не сводил с нее взгляда. Хотя он ушел из полиции всего пять лет назад, в годы его службы чернокожая женщина-детектив казалась диковиной.

– Что стряслось, ребята? Почему вы меня вытащили из горячей ванны? – Мичум улыбнулся, демонстрируя зубы, и обрадовался, что их заметили.

– Убийство. Нам необходимо осмотреть кабинет жертвы.

– Вот как? И кто же труп?

– Некто Энтони Алисо. Студия «ТНА».

Мичум прищурился. У него был загар любителя гольфа, который каждую субботу играет и за день или два в неделю добирается по крайней мере до девятой лунки.

– Это мне ничего не говорит, Гарри. Ты уверен, что он...

– Да, он отсюда. Вернее, был.

– Хорошо, ставь машину на центральной стоянке, заглянем ко мне в кабинет, глотнем по чашечке кофе и посмотрим, что к чему. – Он указал на парковку за воротами, и Босх направил туда автомобиль.

Стоянка располагалась рядом с огромным ателье, на внешней стене которого были нарисованы перышки облаков на фоне голубого неба. Здесь снимали натуру, когда настоящее небо чернело от смога.

Дальше, в помещение службы безопасности, они пошли вслед за Мичумом пешком. В стеклянной кабинке перед мониторами сидел дежурный в коричневой форме охраны «Арчуэй» и читал спортивный раздел «Таймс». Завидев Мичума, он швырнул газету в стоявшую у стола мусорную корзину.

Босх отметил, что его бывший коллега не обратил внимания на проступок подчиненного, поскольку в этот момент открывал перед ними дверь. Обернувшись, Мичум кивнул дежурному и пропустил их в свой кабинет.

Там он скользнул за свой стол и включил компьютер. На экране возникла картина сражения межгалактических кораблей. Мичум щелкнул по клавише, и игра закончилась. Он попросил Босха написать фамилию Алисо и набил ее на клавиатуре. Босх не видел экрана, это его раздражало, но он промолчал.

– Да, ты прав, он здесь сидел, – вскоре произнес Мичум. – Снимал закуток в корпусе «Тайрон Пауэр». Такие сдают тем, кто не в обойме. Три кабинетика и три неудачника плюс одна секретарша на всех за ту же арендную плату.

– Как долго он здесь пробыл?

– Почти семь лет.

– Что еще на него есть?

Мичум посмотрел на экран:

– Немногое. Никаких проблем. Однажды жаловался, что на стоянке зацепили его машину. Водил «роллс-ройс». Надо же, наверное, был последним в Голливуде, кто не поменял его на «рейнджровер». Отстой, да и только.

– Что ж, пойдем поглядим.

– Почему бы вам с детективом Райли не выпить по чашечке кофе? А я пока тут позвоню, наведу справки – не совсем уверен, какие у нас на этот счет существуют правила.

– Во-первых, не Райли, а Райдер. И во-вторых, мы расследуем убийство. Какие бы у вас ни были правила, ты обязан обеспечить нам допуск.

– Данная территория – частная собственность. Не забывай, приятель.

– Ладно. – Босх встал. – А ты, когда будешь звонить, не забывай, что пресса пока об этом не пронюхала. «Арчуэй» вряд ли понравится, если ее втянут в это дело, тем более что мы сами не уверены, что к чему. И передай тому, кому собираешься звонить, что я намерен делать все как можно тише.

Мичум ухмыльнулся и покачал головой:

– Узнаю старину Босха. Все у тебя в лучшем виде.

– А как же!

Во время ожидания Босх выпил в приемной чашку тепловатого кофе, который простоял на подогревателе полночи. Кофе горчил, но Босх понимал: на одной чашке, что он выпил у себя на работе, всю ночь не продержаться. А Райдер кофе проигнорировала – ограничилась стаканом холодной воды.

Мичум появился через десять минут и сообщил:

– Ну вот, все улажено. Только предупреждаю: пока вы станете осматривать помещения, рядом буду находиться я или кто-нибудь из моих людей. Договорились, Босх?

– Конечно.

– Тогда двинулись. Прокатимся на электрокаре.

По пути он открыл дверь в стеклянную кабинку и сунул голову внутрь:

– Питер, кто у нас дежурит на территории?

– Мм... Серурье и Фогел.

– Свяжись с Серурье по рации. Пусть встречает нас. Ключи у него есть?

– Да.

Мичум хотел закрыть дверь, но задержался и добавил:

– И вот еще что, Питер: оставь свою газету там, где она лежит. В мусорной корзине.

Корпус «Тайрон Пауэр» располагался на противоположном конце территории, и они добрались туда на тележке для игры в гольф. По пути Мичум махнул рукой вышедшему навстречу, одетому во все черное человеку.

– У нас сегодня на Нью-Йорк-стрит съемки. Иначе я бы провез вас по ней. Полное впечатление, что попал в Бруклин.

– Никогда не бывал, – хмыкнул Босх.

– Я тоже, – поддакнула Райдер.

– Ну, тогда вам все равно, если только не любопытно, как снимают кино.

– Лучше взглянем на «Тайрон Пауэр».

– Отлично.

Когда они прибыли на место, их уже ждал охранник Серурье. По распоряжению Мичума он открыл дверь в приемную, а затем в один из трех кабинетов. После чего Мичум приказал ему вернуться к патрулированию территории студии.

Мичум был прав, назвав это помещение закутком. В кабинете Алисо едва хватило места для них троих. Каждый ощущал дыхание другого. В комнате стояли стол и три стула. У стены за столом примостился шкаф для бумаг с четырьмя отделениями. Левую стену украшали заключенные в рамки афиши двух классических фильмов – «Китайский квартал» и «Крестный отец», – снятых на «Парамаунт пикчерс». А правую стену Алисо отвел плакатам, рекламировавшим его творческие успехи: «Искусство мулеты» и «Жертва желания». В рамках меньшего размера висели фотографии, на которых был запечатлен сам хозяин кабинета с разными знаменитостями. Многие снимки сделаны именно в этой комнате. Алисо и его гости стояли у стола и улыбались в объектив.

Босх бросил взгляд на два больших плаката – каждый имел наверху шапку: «Энтони Алисо представляет». Но его внимание привлекла вторая реклама: «Жертва желания». На фотографии изображен мужчина в белом костюме с пистолетом на боку и с мужественным

выражением лица. Над ним женщина с развевающимися темными волосами. Она смотрела на мужчину знойным взором. Реклама была содрана с висевшего напротив плаката «Китайский квартал». В женщине Босх узнал Веронику Алисо.

– Симпатичная милашка, – прокомментировал из-за спины Мичум.

– Его жена.

– Семейная реклама. Только я о ней ничего не слышал.

Босх кивнул на плакат:

– Ее первая и последняя попытка.

– Смазливая цыпочка. Полагаю, теперь она выглядит не так.

Босх вспомнил женщину, с которой разговаривал час назад. Глаза остались такими же темными и блестящими, и в глубине – светящиеся точки.

Он отвернулся и принялся изучать фотографии в рамках. На одной – Дэн Лейси, актер, который восемь лет назад играл в мини-сериале самого Босха. Фильм был посвящен охоте на серийного убийцу, и студия отвалила Босху и его тогдашнему напарнику за использование имен и консультации кучу денег. Его напарник сразу ушел в отставку и отправился в Мексику. А Босх купил дом на Голливудских холмах. Уходить в отставку он не собирался – понимал, что его работа и есть жизнь.

Он обвел взглядом маленькую комнату. У двери – стеллажи со сценариями и видеокассетами. И ни одной книги, кроме пары справочников актеров и режиссеров.

– Ну ладно, Чикки, – обратился он к Мичуму. – Ты, как и собирался, отойди к двери, стой и наблюдай. Киз, начинай со стола, а я займусь шкафами.

Шкафы оказались закрытыми. Босху потребовалось десять минут, чтобы справиться с дверцами при помощи извлеченных из кейса отмычек. И еще час для беглого просмотра бумаг. Ящики были забиты справками и финансовыми документами, связанными с производством фильмов, названий которых Босх никогда не слышал. Помня о том, что сообщила Вероника Алисо, он не удивился. К тому же Босх вообще мало разбирался в киношных делах. Однако, поверхностно ознакомившись с бумагами, понял, что, пока снимается фильм, приходится выплачивать разным обслуживающим организациям значительные суммы денег. Больше всего его поразило, что из этого же маленького кабинетика Алисо оплачивал множество развлечений.

Покончив с четвертым, самым нижним ящиком, Босх разогнулся и распрямил спину так, что позвонки щелкнули, словно размешиваемые костяшки домино.

– Нашла что-нибудь? – спросил он у Райдер.

– Кое-что интересное есть, но никакого дымящегося пистолета. Алисо получил уведомление из налогового управления. В следующем месяце его организация должна подвергнуться аудиторской проверке. Здесь есть переписка между ним и Сент-Джоном – тем самым гвоздем сезона, о котором нам рассказывала миссис Алисо. В письмах много гневных фраз, но явных угроз нет. Но я еще не закончила – остался целый ящик.

– А вот в этих папках сплошные финансы. Придется ознакомиться со всем. Я хочу, чтобы ими занялась ты.

– Хорошо. У меня тут одни киношные дела.

– Ладно, Киз, я пойду покурю. Потом мы поменяемся: ты возьмешься за папки, а я осматриваю стол.

– Договорились.

Прежде чем уйти, Босх обвел взглядом полки у двери и прочитал названия видеокассет. Обнаружил ту, что искал, – «Жертва желания». На обложке та же картинка, что и на плакате.

Босх положил кассету на стол, чтобы впоследствии забрать с другими подлежащими изъятию вещами. Райдер поинтересовалась, что это такое.

– Кино. Хочу посмотреть.

– О, и я тоже!

Босх вышел во двор и, остановившись у бронзовой фигуры мужчины – как он догадался, Тайрона Пауэра, – закурил. Ночь стояла прохладная, на территории студии было очень тихо.

Он приблизился к стоявшей рядом со скамейкой урне, чтобы стряхивать в нее пепел, и заметил на дне разбитую кофейную кружку. Там же валялись несколько карандашей и ручек. Босх разглядел на осколке символ «Арчуэй» – Триумфальную арку и восходящее в проеме солнце. И чуть было не полез за авторучкой в виде золотого креста, но в это время появился Мичум и тоже закурил.

– Девочка далеко пойдет.

– Это наше с ней первое общее дело. Я ее почти не знаю, и, думаю, нет смысла узнавать. Я слышал, как только подвернется случай, она сразу получит повышение.

Мичум сбросил пепел на тротуар, поднял голову и снова небрежно кивнул. Босх проследил за его взглядом: под срезом крыши над вторым этажом на них таращилась камера.

– Будь спокоен, он тебя не видит, читает статью о «Доджерс», – усмехнулся Босх.

– В наше время очень трудно нанять приличных людей. У меня есть такие, кто целыми днями разъезжает по территории на тележках – надеется, что в них откроют новых Клинтов Иствудов. Третьего дня один вмазался в стену, так ему хотелось поболтать с проходившей мимо парочкой худдиров – художественных директоров...

Босх промолчал: ему было безразлично все, о чем болтал Мичум.

– Приходи к нам работать, Гарри. Двадцать лет ты уже прослужил, пора завязывать. Будешь трудиться со мной. Гарантирую, что твой уровень жизни поднимется на парочку пунктов.

– Спасибо, Чикки. Я не представляю себя разъезжающим в тележке для гольфа.

– Все равно предложение в силе, приятель. Приходи в любое время.

Босх затушил окурок и бросил в урну. Он не хотел копаться в мусоре при Мичуме и объявил, что возвращается в корпус.

– Гарри, хочу тебе кое-что сказать. У нас возникнут проблемы, если ты унесешь отсюда что-нибудь без ордера. Я слышал твои слова про пленку, и твоя напарница сейчас складывает на столе вещи. Я не могу вам позволить взять что-либо.

– В таком случае тебе придется проторчать здесь всю ночь. Ты же видел, сколько там бумаг. Будет гораздо проще, если мы заберем их.

– У меня инструкция: нам необходим ордер.

Босх воспользовался телефоном секретаря и позвонил Эдгару. Тот был на работе и писал отчет. Босх попросил его прерваться и заняться оформлением ордера на изъятие финансовых документов и иных вещественных улик из дома и кабинета убитого.

– Хочешь, чтобы я прямо сейчас позвонил дежурному судье? – удивился Эдгар. – Времени почти два часа ночи.

– Действуй, – приказал Босх. – Когда ордера будут подписаны, вези их в «Арчуэй». И прихвати с собой несколько коробок.

Эдгар возмутился. На него свалилась самая неблагоприятная часть работы. Кому понравится будить судью посреди ночи?

– Понимаю. Все понимаю, Джерри. Но надо. Что-нибудь еще есть?

– Нет. Я звонил в «Мираж», разговаривал с парнем из охраны. Он сказал, что номер, где жил Алисо, был снова снят на уик-энд, но сейчас свободен. Он его придержит, хотя там все равно все стерто.

– Возможно... Ладно, на прорыв пойдешь в следующий раз. А пока займись ордером.

В кабинете Алисо Райдер уже просматривала папки. Босх сообщил ей, что Эдгар привезет ордер, а им необходимо подготовить для Мичума перечень изъятых. Он предложил сделать перерыв, если она устала, но Райдер отказалась.

Босх уселся за стол. На нем был стандартный набор предметов: телефон с дополнительным громкоговорителем, каталог «Ролодекс», промокательная бумага, магнитный держатель для скрепок, вырезанная по дереву прописью аббревиатура студии «ТНА» и лоток с документами.

Босх осмотрел телефон и обнаружил кнопку повторного набора. Поднял трубку, нажал клавишу и по темпу тональных сигналов догадался, что последний звонок был междугородным. После двух гудков ему ответил женский голос. На заднем плане он различил музыкальный фон.

– Алло, кто это?

Женщина хихикнула:

– А ты кто? Я тебя не узнаю.

– Очевидно, я набрал не тот номер? Это номер Тони?

– Нет, это номер Долли.

– Тем лучше. Где ты находишься?

Она опять хихикнула:

– На Мэдисон, где же еще? Не можешь сообщить по названию?

– Где это?

– В Северном Лас-Вегасе. Ты сам-то откуда звонишь?

– Из «Миража».

– Тогда поезжай по бульвару на север, минуешь центр, потом трущобы, а дальше сверни в Северный Лас-Вегас. Наш светофор третий после того, как проедешь эстакаду. Поворачивай налево, мы в квартале от перекрестка. Как тебя зовут?

– Гарри.

– А я Ронда. Как в той песне...

Босх не поддержал игру.

– Ну же, Гарри, ты должен был сказать: «Помоги мне, Ронда, помоги».

Она пропела куплет из старой песни группы «Бич бойз».

– Если честно, – произнес Босх, – ты, Ронда, в самом деле можешь мне кое в чем помочь. Я разыскиваю приятеля, Тони Алисо. Он к тебе заглядывал в последнее время?

– На этой неделе не видела. Не встречались то ли с четверга, то ли с пятницы. А я еще удивилась, откуда ты раскопал мой номер. Лейлы сегодня нет, и Тони не появится. А ты выбирайся. Мы и без него прекрасно повеселимся.

– Постараюсь заскочить, – пообещал Босх и повесил трубку.

– Что там такое? – поинтересовалась Райдер.

– Ниточка в Вегас.

Он пересказал содержание разговора и упомянул Лейлу. Райдер согласилась, что тут есть чем заняться, и вернулась к папкам. А Босх возобновил изучение стола. Но прежде, чем углубиться в ящики, осмотрел то, что стояло на поверхности.

– Чикки!

Мичум стоял, прислонившись к притолоке и сложив на груди руки.

– В телефоне нет записывающего устройства. Что происходит, когда отсутствует секретарь? Звонок принимает оператор или какая-нибудь телефонная служба?

– Нет, теперь все это здание оборудовано голосовой почтой.

– Следовательно, и кабинет Алисо тоже? Как нам в нее влезть?

– Надо знать пароль. Он состоит из трех цифр. Вызываешь на компьютере голосовую почту, набираешь пароль – и вот вам, пожалуйста, ваша голосовая почта.

– А как разузнать его пароль?

– Никак. Пользователь выбирает пароль сам.

– И нет никакого управляющего кода, при помощи которого можно вскрыть личный?

– Нет. Наша система не настолько умна. Ты хочешь проверить, кто ему звонил?

Босх спросил номер телефонной почты и набрал на клавиатуре компьютера указанную Мичумом цифру. Затем достал блокнот, посмотрел в своих записях, когда у Алисо день рождения, и набил 721. Компьютер не принял пароль. Босх побарабанил пальцами по столу и предпринял новую попытку – номер на дверях студии. Голос машины известил, что пришло четыре сообщения.

– Киз, послушай-ка. – Босх переключил телефон на громкоговоритель и повесил трубку.

Пока шли сообщения, он делал пометки, однако первые звонки были от людей, которые говорили о технических деталях предстоящих съемок фильма: какое арендовать оборудование и сколько это будет стоить. После каждого сообщения электронный голос уточнял время звонка в пятницу.

Четвертое сообщение заставило Босха податься вперед и прислушаться. Голос принадлежал молодой женщине. Похоже, она плакала.

Привет, Тони, это я. Перезвони мне, как только получишь сообщение. Ты мне очень нужен. Я чуть не позвонила тебе домой. Этот сукин сын Лаки заявил, что выгнал меня. Ни за что! Просто сам положил глаз на Модести. Я так... не хочу работать в «Паломино» или других подобных местах. «Гарден». К черту! Хочу уехать в Лос-Анджелес и быть с тобой. Позвони мне!

Электронный голос сообщил, что звонок поступил в субботу в четыре утра. К этому времени Тони Алисо давно был мертв. Звонившая не назвалась, – следовательно, убитый хорошо ее знал. Уж не та ли это женщина, о которой упомянула Ронда? Лейла. Он взглянул на Райдер, но она лишь пожала плечами. Слишком мало известно, чтобы судить о значении звонка.

Босх сел за стол и принялся размышлять. Затем выдвинул ящик, но не тронул лежащих в нем вещей, а посмотрел на правую стену, где висели фотографии запечатленного со знаменитостями улыбающегося Алисо. Некоторые сопровождали подписи, но их было трудно разобрать. Босх обратил внимание на изображение своего киношного прототипа Дэна Лейси, но нацарапанную внизу карточки мелкую надпись не сумел прочитать. Потом взгляделся и понял, что искал: на фотографии на столе Алисо стояла набитая карандашами и ручками кружка с изображением символа «Арчуэй».

Босх снял снимок со стены и позвал Мичума.

– Кто-то здесь был, – сказал ему Босх.

– Ты о чем?

– Когда опорожняли мусорный бачок на улице?

– Не знаю. Но при чем тут...

– Та камера наблюдения, что закреплена под крышей, – как долго вы держите пленки?

Мичум немного поколебался и промолвил:

– Перематываем пленки раз в неделю. Эта камера работает семь дней. Режим покадровой съемки – десять кадров в минуту.

– Пойдем посмотрим.

Домой Босх попал в четыре часа. До условленной в семь тридцать утренней встречи с Эдгаром и Райдер можно было три часа поспать, но его настолько возбудил кофе, что он не помышлял о постели.

В доме отдавало кисловатым запахом свежей краски, и Босх, впуская внутрь прохладный ночной воздух, сдвинул ставни на задней веранде. Окинул взглядом Кауэнгу и Голливудское шоссе. Его всегда поражала ночная картина: в какой бы час ни посмотреть на дорогу, там всегда проносились машины. Движение в Лос-Анджелесе не прекращалось ни на минуту.

А не поставить ли ему компакт-диск? Что-нибудь с саксофоном. Но вместо этого Босх сел на диван и в темноте закурил. Он думал о вероятной подоплеке дела. Энтони Алисо был

преуспевающим в финансовом отношении человеком. Как правило, богатство защищает от убийства и насилия. Обеспеченные люди редко кончают дни не своей смертью. Однако с Тони Алисо что-то случилось...

Босх вспомнил о пленках и отправился за кейсом, который оставил на столе в гостиной. В нем лежали две кассеты: одна – из камеры видеонаблюдения, другая – с фильмом «Жертва желания». Он включил телевизор, сунул кассету в видеопроектор и, не включая света, стал смотреть фильм.

Досмотрев до конца, Босх заключил, что лента заслуживала выпавшей ей судьбы. Свет поставлен неумело, и в нескольких сценах над головами актеров появлялся болтающийся на проводе микрофон. Это особенно коробило, когда действие происходило в пустыне, где над героями не могло быть ничего иного, кроме безоблачного неба. Страдала не только техника съемки – актеры тоже выглядели совершенно беспомощными. Исполнитель главной роли, которого Босх прежде не видел, был не в состоянии передать душевные терзания мужчины, старавшегося удержать жену. А та страдала сексуальной неудовлетворенностью и, теща нездоровую страсть, толкала мужа на преступления, в том числе на убийство. Роль жены исполняла Вероника Алисо и играла несколько не лучше своего партнера.

При правильной постановке света она казалась поразительно красивой. В четырех сценах появлялась полуобнаженной, и Босх не мог отвести от нее глаз. Но в целом он сознавал, что роль не удалась, и понял, почему ее карьера, как и карьера мужа, не имела успеха. Сколько бы Вероника ни валила вину на Алисо, истина заключалась в том, что она была подобна тысячам красивых женщин, которые каждый год приезжают в Голливуд. Ее внешность могла заставить екнуть сердце, но сыграть она не сумела бы даже под дулом пистолета.

В ключевом эпизоде картины, когда копы арестовывают героя и она валит все грехи на мужа, в ее репликах звучало не больше убедительности, чем в листе чистой машинописной бумаги.

Это все он. Он ненормальный. Я не могла его остановить, а потом было слишком поздно. Я никому не решалась сказать, потому что могли подумать, будто я заставляла его убивать.

Босх прочитал титры, взял пульт дистанционного управления и перемотал пленку. Он так и не двинулся с места. Затем выключил телевизор и положил ноги на диван. За открытыми ставнями, над холмами за дорогой, посветлело небо. Он все еще не чувствовал усталости. И размышлял над превратностями человеческой жизни. А если бы фильм оказался хотя бы посредственным и нашел прокатчика? Может, Тони Алисо не пришлось бы валяться в багажнике «роллс-ройса»?

Встреча с Биллетс состоялась в половине десятого. Наступил выходной день, сотрудники отсутствовали, но Босх тем не менее плотно закрыл дверь. Биллетс начала с того, что местная пресса, видимо почерпнув сведения из вечерних протоколов коронера, стала проявлять повышенный интерес к убийству Энтони Алисо. Затем лейтенант сообщила, что начальство раздумывает, не передать ли дело другому отделу. Это обидело Босха, который некогда сам там работал, но после неоправданной стрельбы на дежурстве был переведен в Голливуд. Уж лучше бы его забрали борцы с организованной преступностью – и то было бы легче. Босх заявил лейтенанту, что передача расследования совершенно невозможна: его команда не сомкнула глаз, билась над загадками ночь напролет и напала на важные улики. Райдер поддержала его, а Эдгар промолчал. Он все еще дулся из-за того, что его посадили на бумажную работу.

– Ваша позиция понятна, – произнесла Биллетс. – Как только мы закончим, я позвоню капитану Левэлли домой и заверю ее, что у нас все под контролем. Поэтому давайте обсудим то, что имеем. Убедите меня, и я приложу все силы, чтобы убедить ее. А она сообщит наше мнение начальству.

Следующие тридцать минут Босх говорил за всех и подробно рассказал, что удалось выяснить. Единственный телевизор в отделе стоял в кабинете лейтенанта, потому что даже в полиции было небезопасно оставлять его незапертым в общем помещении. Босх вставил кассету, которую Мичум скопировал с той, что находилась в камере видеонаблюдения, и нашел место, где появляется непрошенный гость.

– Камера работала в режиме десять кадров в минуту, поэтому изображение сильно дергается, но наш тип попал на пленку. – Он нажал кнопку воспроизведения, и на экране появилось зернистое черно-белое изображение двора и фасада корпуса «Тайрон Пауэр».

Судя по освещению, сгущались сумерки. Хронометраж на нижнем срезе кадра свидетельствовал о том, что съемка велась накануне в восемь тринадцать вечера. Босх перевел режим воспроизведения на самый медленный, но события, которые он собирался продемонстрировать начальству, все равно менялись с молниеносной быстротой. В течение всего шести кадров к двери подошел мужчина и скрылся за ней.

– Реальное время, которое он провел у двери, – от тридцати до тридцати пяти секунд, – пояснила Райдер. – Глядя на пленку, можно подумать, что человек открыл замок ключом. Но для ключа это слишком долго. Незвестный вскрыл замок отмычкой быстро и умело.

– А вот и его выход! – воскликнул Босх.

Когда отсчет времени на кассете показал семнадцать минут девятого, мужчина вышел из двери. На следующем кадре он уже был во дворе и направлялся к мусорному баку. Потом пропал. Босх вернул пленку назад и остановил на кадре, где неизвестный отходил от бака. Здесь изображение оказалось самым четким. Не хватало света, лицо было размыто, но, вероятно, узнаваемо, если бы удалось отыскать оригинал, с которым сравнить пленку. Мужчина белый, с темными волосами, коренастый, крепкого телосложения. В рубашке для гольфа с короткими рукавами, на запястье выше черной перчатки – часы на металлическом браслете: блестящий хром отразил свет фонаря во дворе. Выше на руке темнела нечеткая татуировка.

Босх отметил все это для Биллетс и сообщил, что собирается отнести кассету в технический отдел, чтобы там компьютерным способом попытались усилить резкость и увеличить этот самый лучший из всех кадр.

– Хорошо, – согласилась лейтенант. – Как вы полагаете, чем он занимался внутри?

– Судя по всему, что-то искал, – предположил Босх. – От момента входа до момента выхода миновало менее четырех минут. Не много. За это время он уронил со стола кружку с символом «Арчуэй», и она разбилась. Он сделал то, за чем явился, собрал осколки кружки и ручки и на обратном пути выбросил их в мусорный бак. Ночью мы все это нашли.

– Как насчет отпечатков пальцев?

– Выяснив, что имело место незаконное проникновение, мы вызвали Донована, и он приехал после того, как закончил с «роллс-ройсом». Отпечатки обнаружились, но ни одного ценного – лишь Алисо, мои и Киз. На пленке видно, что неизвестный в перчатках.

– Ясно.

Босх зевнул, Эдгар и Райдер тоже. Он сделал глоток остывшего кофе, который принес с собой. Босх не любил кофеин, но понимал: если он не взбодрится, то мгновенно заснет.

– Есть какие-нибудь соображения насчет того, что искал проникший в помещение неизвестный? – задала вопрос Биллетс.

– Разбитая кружка свидетельствует о том, что он искал что-то на столе, а не в шкафах, – произнесла Райдер. – Но и на столе, похоже, ничего не пропало. Мы считаем, что неизвестный унес жучок. Кто-то установил в телефоне Алисо подслушивающее устройство и не мог позволить, чтобы мы его обнаружили. На стене в кабинете убитого висит фотография, на ней телефон стоит рядом с кружкой. Незвестный умудрился свалить ее со стола. Забавно, мы никогда не проверяли телефоны на жучки. Если бы неизвестный оставил все как есть, мы, скорее всего, не наткнулись бы на подслушивающее устройство.

– Я была на этой студии. «Арчуэй» обнесена стенами, там держат частную охрану. Каким образом неизвестный проник на территорию? Или вы полагаете, что действовал кто-нибудь из своих?

– Две версии, – снова вступил в разговор Босх. – В «Арчуэй» ведутся съемки в декорациях нью-йоркской улицы. Поэтому на территории много посторонних. Не исключено, что неизвестный проскользнул в ворота вместе с членами съемочной группы. Судя по видеозаписи, покинув кабинет Алисо, он направился на север. Именно там находятся нью-йоркские декорации. В то время как ворота расположены по направлению на юг. И с той же стороны к территории студии примыкает Голливудское кладбище. Совершенно верно, стены есть, но когда кладбище закрыто, там темно и безлюдно. Человек мог перелезть через стену. Как бы он ни поступил, ясно одно: он очень опытный.

– В каком смысле?

– Если потребовалось изъять жучок из телефона Алисо, значит ранее его туда поместили.

Лейтенант согласно кивнула:

– Кто же он, по-вашему?

Босх посмотрел на Райдер и ответил:

– Трудно сказать. Несостыковка по времени. Алисо умер, очевидно, в пятницу вечером. Тело обнаружили вчера в шесть вечера. Проникновение состоялось в восемь тринадцать. То есть после того, как труп нашли и началось расследование.

– Но до того, как вы беседовали с его женой?

– Верно. В этом-то и вся загвоздка. Я сам склонялся к мысли: припрем жену к стенке и посмотрим, что за ней стоит. Но теперь изрядно поостыл. Если она замешана в преступлении, проникновение не имеет смысла.

– Поясните.

– Надо понять, с какой целью установили жучок. Напрашивается ответ: жена наняла частного сыщика или еще кого-нибудь, чтобы проследить, не ходит ли муж на сторону.

– Да.

– Теперь предположим, что жена приложила руку к тому, чтобы уложить Энтони Алисо в багажник. С какой стати ей или ее частному сыщику дожидаться, пока обнаружат труп, и только после этого пытаться изъять жучок? Смысл появляется лишь в том случае, если эти два события не пересекаются, то есть убийство и жучок не имеют друг к другу отношения.

– Вероятно.

– Вот поэтому я не склонен валить все на жену, хотя считаю, что полностью ее вину нельзя исключать. Но мы пока многого не знаем. И многое мне не нравится. Что-то есть в этом деле подспудное, но что – неизвестно.

Биллетс кивнула и обвела взглядом детективов:

– Хорошо. Вы поработали на совесть. Хотите что-нибудь добавить? Что у нас с отпечатками пальцев с пиджака жертвы? Арту Доновану удалось что-нибудь выяснить?

– Он связался с Национальным центром криминальной информации, запросил систему идентификации по отпечаткам пальцев. У них ничего нет.

– Черт!

– Отпечатки нам еще пригодятся. Появится подозреваемый, тут-то они и сыграют.

– Что можете сказать о машине?

– Ничего.

– Кое-что все-таки имеется, – проговорила Райдер, и лейтенант подняла на нее удивленный взгляд. – Один из отпечатков, обнаруженный на кромке внутренней стороны крышки багажника, принадлежит Рэю Пауэрсу, патрульному, который нашел труп. Он явно превысил свои полномочия. Патрульный оставил отпечаток, открывая багажник, хотя не должен был этого делать. Следовало вызвать нас.

Биллетс посмотрела на Босха. Почему он не доложил ей о нарушении? Босх потупился и устался в стол.

– Я этим займусь, – пообещала лейтенант. – Пауэрс мне известен, он не новичок в полиции и обязан знать правила.

Босх мог бы защитить Пауэрса, но промолчал – Пауэрс того не стоил.

– Куда же мы двинемся дальше? – промолвила лейтенант.

– На все четыре стороны, – пошутил Босх. – Когда-то мне рассказали анекдот про скульптора. Его спросили, каким образом ему удастся высечь женщину из куска мрамора. Я убираю все, что не относится к женщине, ответил скульптор. Нам предстоит то же самое. Мы располагаем большим объемом информации и улик. Теперь нам следует избавиться от лишнего и не имеющего отношения к делу.

Биллетс улыбнулась, а Босх внезапно смутился, хотя считал свою аналогию точной.

– Как насчет Лас-Вегаса? – спросила лейтенант. – Это часть извояния или его необходимо отсечь?

Теперь заулыбались Райдер и Эдгар.

– Туда надо съездить хотя бы вот для чего. – Босх надеялся, что его интонация не покажется чрезмерно оборонительной. – Сейчас мы знаем, что убитый там был и преступление совершилось вскоре после того, как он вернулся оттуда. Но не представляем, что он там делал, выиграл ли, проиграл... Не следил ли кто-нибудь за ним? Алисо мог сорвать там джекпот, а потом его обокрали. У нас множество вопросов в Лас-Вегасе.

– Плюс та женщина, – добавила Райдер.

– Какая женщина? – поинтересовалась Биллетс.

– Дело в том, – объяснил Босх, – что последний звонок из кабинета Энтони Алисо был в клуб в Северном Лас-Вегасе. Я набрал номер и получил это имя. Он встречался там с некоей Лейлой.

– Лейлой? Как в песне?

– Да. И еще было сообщение на номер телефона в его кабинете от неизвестной женщины. Мы предполагаем, что это и есть та самая Лейла. С ней следует побеседовать.

Биллетс изложила план предстоящей кампании:

– Первое: всех журналистов отсылайте ко мне. Самый верный способ контролировать информацию – предоставлять сведения из одного источника. На данный момент версия для прессы: дело расследуется, и мы склоняемся к мнению, что это угон машины или ограбление. Безобидно и на время их успокоит.

Трое детективов кивнули.

– Я побеседую с капитаном, чтобы дело оставили за нами. На мой взгляд, нам надо тщательно отработать три или четыре версии. Мне будет легче говорить с капитаном, если мы уже за что-нибудь зацепимся. Ты, Гарри, скорее садись в самолет и отправляйся в Лас-Вегас. Потянешь за эту ниточку. Но если поймешь, что это пустышка, немедленно возвращайся. Ты нам нужен здесь.

Босх сам бы так поступил, но испытывал неудобство оттого, что решения принимала Биллетс.

– Ты, Райдер, займись финансами. К завтрашнему утру я хочу знать все об Энтони Алисо. Съезди с ордером на обыск к нему домой и, пока будешь там, присмотришься к его жене. Выясни все об их браке. Если представится возможность, поговори по душам.

– Не уверена, – покачала головой Кизмин, – что разговор по душам получится. Она женщина сообразительная и, безусловно, догадалась, что мы к ней присматриваемся. Не разумнее ли, когда в следующий раз кто-нибудь из нас будет с ней встречаться, предупредить ее о ее правах? Вчера уже к этому шло.

– Реши сама, – произнесла Биллетс. – Только не бросится ли она после этого звонить своему адвокату?

– Посмотрю, что удастся сделать.

– Теперь ты, Джерри...

– Знаю, знаю, на мне вся бумажная работа.

Эдгар заговорил впервые за пятнадцать минут, и Босх решил, что он очень недоволен.

– Да, тебе придется заняться документацией. Я хочу, чтобы ты взял на себя и гражданские дела того сценариста, у которого вышел спор с Энтони Алисо. На мой взгляд, маловероятная версия, но, когда ты все выяснишь, круг наших поисков сузится.

Эдгар поморщился.

– Пока Гарри отрабатывает версии в Лас-Вегасе, разберись со здешним аэропортом. У нас есть корешок парковочной квитанции. Вот с этого и начни. В разговоре с прессой я приведу описание машины. Вряд ли в нашем районе очень много белых «роллс-ройсов». Я скажу, что мы ищем людей, которые видели такой автомобиль вечером в пятницу, и пытаемся восстановить маршрут из аэропорта. Вдруг нам повезет и кто-нибудь объявится.

– Ладно, – буркнул Эдгар.

– Ну, тогда за дело.

Детективы поднялись, а Биллетс осталась сидеть. Босх замешкался, доставая кассету из видеоплеера, чтобы коллеги ушли, а он остался наедине с лейтенантом.

– Слышал, что тебе не приходилось заниматься убийствами, пока ты не села в это кресло, – промолвил он.

– Да, – ответила лейтенант. – В отделе района Долины я расследовала преступления на сексуальной почве.

– Подумать только, а распределила обязанности не хуже меня!

– Тебя, наверное, раздражает, что обязанности распределяю я, а не ты?

– Переживу.

– Спасибо.

– Не за что. Кстати, насчет той истории, что Пауэрс оставил отпечатки пальцев. Я бы все равно тебе доложил, только решил, что на совещании неуместно. Вчера я сам сделал ему втык. Пауэрс возразил, что, если бы он не открыл багажник, а просто вызвал нас, автомобиль до сих пор торчал бы на солнцепеке. Пауэрс – недоумок, но в его словах есть доля истины.

– Понимаю.

– Не сердись, что я тебе не сообщил?

Лейтенант на мгновение задумалась.

– Нет.

Часть вторая

Заняв место у окна в самолете авиакомпании «Саутуэст эйрлайнс», который следовал рейсом из Бербанка в Лас-Вегас, Босх пристегнулся ремнем и через несколько минут уснул. Это был глубокий сон без сновидений, и Босх не проснулся до тех пор, пока его не разбудил толчок шасси о бетон посадочной полосы. Босх стряхнул с себя дремоту и почувствовал, что час отдыха буквально возродил его.

Но, покинув терминал, оказался в полуденном пекле и, пока шагал к гаражу, где его поджидала взятая напрокат машина, ощущал, как на жаре уходят заново обретенные силы. Обнаружив автомобиль в указанном гараже, он включил на полную мощность кондиционер и поехал в «Мираж».

Босх никогда не любил Лас-Вегас, хотя расследования часто приводили его в этот город. У него было нечто родственное с Лос-Анджелесом: в оба эти места бежали отчаявшиеся люди. А когда они бежали из Лос-Анджелеса, часто оказывались именно здесь. За внешним лоском, деньгами, кипучей энергией и сексом билось темное сердце. Сколько бы ни старались приукрасить этот город неонами и семейными развлечениями, он так и оставался продажной шлюхой.

Но если что-то и могло поколебать Босха в этом мнении, то только «Мираж». Он оказался символом нового Лас-Вегаса – чистый, роскошный, достойный. Окна здания отражали золото солнца. Хозяева не пожалели денег на пышное убранство казино. Первое, что поразило Босха в вестибюле, – белые тигры за стеклянными загородками. От вида таких животных у любого содержателя зоопарка немедленно потекли бы слюнки. Стоя в очереди к портье, Босх рассматривал огромный аквариум, где за стеклом плавали акулы.

Портье заметил на заказе Босха специальный значок и вызвал охрану. Явился начальник дневной смены Хэнк Мейер и заверил Босха, что отель и казино окажут ему полное содействие.

– Тони Алисо был хорошим и ценным клиентом, – сказал он. – Мы сделаем все, чтобы помочь вам. Однако крайне нежелательно, если его смерть будет связана с пребыванием в нашем отеле. Мы – самое чистое заведение в городе.

– Понятно, Хэнк, – отозвался Босх. – Не сомневаюсь, что вы не желаете пятнать свою репутацию. Однако я и не предполагаю откапывать криминал в «Мираже». Но должен выполнить все, что положено. Впрочем, как и вы.

– Да.

– Вы его знали?

– Нет. Три последних года я дежурил в дневную смену, а он играл в основном ночью.

Мейеру было лет тридцать, и он являл собой типичный образец того, чем «Мираж» и весь Лас-Вегас хотели предстать перед миром. Мейер объяснил, что номер, где останавливался Алисо, опечатали и ждали, когда его осмотрит Босх. Дал ему ключ, но попросил вернуть, как только работа будет закончена. И добавил, что Босх сможет допросить сдающих за столами и принимающих ставки на результаты спортивных игр, – тех, кто работает в вечернюю смену. Все они знали Энтони Алисо, поскольку тот регулярно посещал их заведение.

– У вас там установлена камера?

– Да.

– Я хотел бы посмотреть видеозапись с четверга на пятницу.

– Конечно.

Босх договорился встретиться с Мейером в кабинете охраны на втором этаже в четыре часа. В это время менялись смены и на службу заступали те, кто знал Алисо. И там же детектив мог посмотреть записи потолочных камер видеонаблюдения.

Через несколько минут Босх вошел в номер, сел на кровать и огляделся. Комната оказалась меньше, чем он предполагал, но гораздо удобнее, чем все, что ему приходилось видеть в

Лас-Вегасе. Он взял телефон с прикроватного столика, поставил себе на колени и позвонил в Голливудское отделение. Ему ответил Эдгар.

– Говорит Босх.

– Как же, как же – Микеланджело убийств, Роден тяжких преступлений!

– Необыкновенно остроумно. Что там у вас происходит?

– Первое: Упертая выиграла сражение, – проинформировал его Эдгар. – Никто не пытается отобрать у нас дело.

– Хорошо. Ну а ты как? Есть что-нибудь новенькое?

– Только-только начал отчет, но опять пришлось отложить. В половине второго засяду со сценаристом. Он заявил, что адвокат ему не требуется.

– Отлично. Это за тобой. Сообщи лейтенанту, что я зарегистрировался.

– Ладно. Кстати, в шесть она назначила еще одно совещание – хочет обсудить, как идут дела. Позвони, и мы выведем тебя на динамик.

– Обязательно.

Босх немного посидел. Ему очень хотелось опрокинуться навзничь и заснуть, но он понимал, что у него нет такой возможности. Необходимо заниматься расследованием.

Он встал, распаковал сумку и повесил в шкаф рубашки и брюки. Положил на полку белье и носки, закрыл номер, сел в лифт и отправился на верхний этаж. Номер, который снимал Алисо, располагался в конце коридора. Ключ-карточка сработал без проблем, и Босх шагнул в комнату вдвое больше той, где остановился сам. В номере были гостиная и спальня, а также овальное джакузи рядом с окном, выходившим на пустыню и раскинувшуюся к северу от города цепь гор цвета светлого какао. Прямо под окном – бассейн и дельфинарий. Под сверкающей поверхностью воды скользнула серая спина.

– Дельфины в пустыне! – буркнул Босх себе под нос.

По любым меркам этого города номер считался шикарным и предназначался щедрым игрокам. Несколько секунд Босх постоял у кровати и огляделся. Ничего необычного он не заметил. Пушистый ковер хранил волны от недавней уборки пылесосом. Даже если в комнате и оставались улики, они безвозвратно утеряны. Однако он продолжал делать все, что положено. Заглянул под кровать и в шкафы. Нашел за бюро коробку спичек из местного мексиканского ресторана «Лас фуэнтес», но невозможно было определить, сколько она там валялась.

Ванная комната была отделана красным мрамором. Вся сантехника – из полированной меди. Босх открыл прозрачную дверцу в душевую кабинку и тоже ничего не обнаружил. Но, закрывая дверцу, обратил внимание на сток. Снова открыл кабинку и посмотрел вниз. Придавил пальцем блестящий, словно золото, кусочек на резиновом обрамлении стока, поднял руку и присмотрелся к приставшей к коже крошке. Он решил, это похоже на то, что найдено в отворотах брюк убитого. Теперь оставалось выяснить, откуда взялись блестящие крупинки.

Управление полиции Лас-Вегаса, или Метро, располагалось на Стюарт-стрит в деловом центре. Босх объяснил дежурному, что он детектив в командировке и желал бы нанести визит вежливости коллегам. Его направили на третий этаж – дежурный провел через пустую комнату сотрудников в кабинет начальника. Капитан Фелтон оказался загорелым мужчиной лет пятидесяти, с могучей шеей. Босх подумал, что только в последнее время он наверняка обращался с приветственными словами не менее чем к сотне приехавших из разных городов полицейских. Уж такое это место – Лас-Вегас.

Фелтон пригласил гостя сесть и произнес:

– Добро пожаловать в Лас-Вегас! Вам повезло, что вы меня застали – накопилось много бумаг, вот и пришлось поработать в выходной. Иначе здесь никого бы не было. Надеюсь, ваше пребывание у нас будет приятным и продуктивным. Если что-нибудь потребуется, не стесняйтесь, звоните. Ничего не могу обещать, но, если то, что вы попросите, окажется в моей власти, с удовольствием помогу. А теперь расскажите, что вас привело в наш город?

Босх коротко ввел его в курс дела. Фелтон записал фамилию и имя Энтони Алисо, название отеля и дни, когда тот в последний раз находился в Лас-Вегасе.

– Я просто пытаюсь установить, чем он здесь занимался, – объяснил Босх.

– Полагаете, его проследили отсюда и напали в Лос-Анджелесе?

– Пока нет никаких улик.

– Надеюсь, и не будет. Нам бы не хотелось, чтобы в прессе Лос-Анджелеса появились такого рода материалы. Что-нибудь еще?

Босх положил на колени кейс и открыл крышку.

– На трупе обнаружены отпечатки пальцев двух людей.

– На трупе?

– Он был в кожаном пиджаке. Отпечатки обнаружили при помощи лазера. Мы связались с Национальным центром криминальной информации, Министерством юстиции, сделали запрос через Автоматизированную систему идентификации отпечатков пальцев, но данных не получили. Может, вы пропустите их через свой компьютер? Вдруг что-нибудь да выскочит.

Автоматизированная система идентификации отпечатков пальцев, AFIS, объединяла множество баз данных, но не все в стране. Полицейские управления в крупных городах имели собственные базы данных. В Лас-Вегасе снимали отпечатки пальцев у тех, кто устраивался на работу в городе или казино. Здесь хранились отпечатки пальцев людей, попавшихся на махинациях; официально их не полагалось держать в управлении, поскольку они принадлежали тем, кто подозревался, но их вина не была доказана и их ни разу не подвергали аресту. Босх надеялся, что именно в такой базе данных Фелтон прокрутит отпечатки Алисо.

– Дайте взглянуть, что там у вас, – отозвался капитан. – Не могу ничего обещать. Конечно, у нас есть кое-что, чего нет в общенациональной базе данных, но дело, сами понимаете, ненадежное.

Босх подал карты отпечатков пальцев, которые подготовил для него Арт Донован.

– Так вы начали с «Миража»? – промолвил капитан, откладывая карты на край стола.

– Да. Показал фотографию убитого. В общем, обычная процедура.

– Вы все мне говорите?

– Все, – солгал Босх.

– Ну хорошо. – Фелтон открыл стол, достал визитную карточку и протянул Босху. – Здесь мой рабочий телефон и пейджер. Звоните, если что-нибудь всплывет. Пейджер всегда при мне. По поводу отпечатков пальцев свяжусь с вами завтра утром.

Босх поблагодарил и вышел. Из дежурной части он позвонил в отдел криминалистики полицейского управления Лос-Анджелеса и попросил к телефону Донована. Спросил, проверил ли он блестящие крупинки, которые они нашли в отворотах брюк убитого.

– Да, – ответил Донован. – Но боюсь, результат тебя не порадует. Мишура. Крашеная алюминиевая фольга. Ее используют для украшения маскарадных костюмов и на праздниках. Твой тип, наверное, был на вечеринке, там разбрасывали эту дрянь, и на него попало. То, что он заметил, счистил, а за отворотами брюк осталось.

– Что еще?

– Ничего. Во всяком случае, из улик.

– А вообще?

– Гарри, ты помнишь того малого, с которым ты говорил по телефону, пока мы были в ангаре?

– Карбоуна?

– Да, Дома Карбоуна. Заявился сегодня в лабораторию.

Босх помрачнел, и Донован продолжил:

– Сказал, что пришел по какому-то другому делу и просто интересуется. Гарри, мне кажется, тут не просто любопытство.

– Понятно. Ты ему много рассказал?

– Пока сообразил, что к чему, ляпнул про отпечатки на пиджаке. Извини, Гарри, я так возгордился. Не часто удается получить дельные отпечатки с одежды трупа. Вот и расхвастался.

– Ладно, все в порядке. Ты ему сообщил, что у нас с отпечатками ноль?

– Да. Сказал, что мы запрашивали везде и никаких результатов. А затем... он попросил копию. Мол, покопается сам; что уж там это значит, не знаю.

– И ты?

– А как ты думаешь? Дал.

– Серьезно?

– Шучу. Ответил: если ему нужны отпечатки, пусть звонит тебе.

– Отлично. Что еще?

– Все.

– Ты молодец, Арт. Увидимся.

– Пока, Гарри. Где ты сейчас?

– В Лас-Вегасе.

– Да ну? Слушай, поставь за меня пятерку в рулетку на семь. Сделай это хоть раз. Расплачусь, когда приедешь. Если только не выиграю. А если выиграю, расплатишься ты.

Босх вернулся в свой номер за сорок пять минут до назначенной встречи с Хэнком Мейером. Принял душ, побрился, надел свежую рубашку и почувствовал себя настолько лучше, что был готов отправиться в пекло пустыни.

Мейер устроил так, чтобы Босх мог допросить по очереди в его кабинете всех, кто работал в четверг и пятницу там, где играли в покер. Среди них оказалось шесть мужчин и три женщины. Восемь человек сдавали карты, а одна принимала спортивные ставки. Как выяснилось, Алисо часто пользовался ее услугами. В казино шесть столов для покера. Во время смены сдающие менялись за столами каждые двадцать минут. Следовательно, все восемь сдавали карты Алисо и, поскольку он часто появлялся в казино, немедленно его узнали и объявили, что он им хорошо известен.

Мейер сидел рядом и наблюдал, и Босх быстро покончил с допросом всех сдающих – всего за час. Он установил, что Алисо, как правило, играл за столами «пять к десяти». Это означало, что партия начиналась со ставки минимум пять, максимум десять долларов. Разрешалось трехкратное повышение во время каждой сдачи. Поскольку играли в стад на семи картах, в течение одной партии сдавали пять раз⁵. Босх быстро подсчитал, что, если за столом присутствовали все восемь человек, банк составлял несколько сотен долларов. Алисо играл в лиге гораздо выше, чем их пятничные забавы покером с коллегами из детективного бюро.

Согласно показаниям сдающих, вечером в четверг Алисо играл около трех часов и остался примерно при своем. В пятницу вечером он играл два часа и, по общей оценке, оставил противникам пару тысяч. Никто не припомнил, чтобы Алисо когда-нибудь много выиграл или много проиграл. Обычно срывал небольшой куш или спускал несколько тысяч. Судя по всему, знал, когда следует бросить игру.

Сдающие заметили, что Алисо легко расставался с чаевыми – давал десятку после обычного выигрыша и двадцать пять после особенно большого. Благодаря этой привычке он оставил о себе благоприятное впечатление. Играл один, пил джин с тоником и почти не общался с другими игроками. В последние месяцы его видели в обществе блондинки не старше двадцати лет. Она никогда не садилась за карточный стол, но забавлялась с игральными автоматами и

⁵ Сдающий начинает игру, сдавая каждому три карты (две картинкой вниз и одну картинкой вверх), после чего следует круг ставок. Далее игрокам сдаются четвертая, пятая и шестая карты в трех сдачах, и после каждой проходит круг ставок. Последняя, седьмая карта сдается картинкой вниз, проводится финальный круг ставок, и карты раскрываются.

обращалась к Тони, когда у нее заканчивались деньги. Алисо никому ее не представлял, и никто не слышал, чтобы он называл ее по имени. Босх записал в блокнот «Лейла» и поставил знак вопроса.

Вслед за сдающими явилась похожая на мышку пшеничная блондинка Ирма Чантри, принимавшая ставки на результаты спортивных игр. Она села и сразу закурила. А когда заговорила, голос выдал в ней женщину, которая почти не расстается с сигаретой. Ирма сообщила, что оба вечера, когда Алисо находился в Лас-Вегасе, он ставил на «Доджерс».

– У него была своя система, – добавила она. – Он постоянно удваивал ставки, пока не выигрывал.

– Это как?

– Ну вот, например, в первый вечер Алисо поставил на «Доджерс» штуку, но они проиграли. На следующий день он поставил две, и «Доджерс» выиграли. И вот он даже после вычетов казино покрыл потери и взял еще половину. Но только не забрал выигрыш.

– Он не брал выигранные деньги?

– Никогда. Но в этом нет ничего необычного. Его баксы никуда не пропадали – оставались при нем. Так практиковалось и до него. Человек выигрывал, но оставлял у нас деньги до следующего приезда в город.

– Откуда вы знаете, что он не брал деньги у другого крупье?

– Тони никогда так не поступал – всегда вел расчеты со мной. Любил давать мне чаевые. Говорил, что я – его очаровательное везение.

Босх немного подумал. В пятницу вечером «Доджерс» играли на своем поле, а самолет Алисо вылетел из Лас-Вегаса в двадцать два часа. Можно с достаточной вероятностью предположить, что игра еще не кончилась, когда он был в международном аэропорту Маккарран или уже на пути в Лос-Анджелес. Но ни в бумажнике, ни в карманах не оказалось квитанции о получении ставки. Гарри вспомнил о пропавшем кейсе. Может, она там? Неужели корешок на четыре тысячи, из которых еще вычтут причитающееся казино, послужил причиной убийства? Вряд ли. Но разобраться все-таки стоит. Босх посмотрел на Ирму и спросил:

– А если кто-нибудь другой забрал выигрыш у крупье? Можно это выяснить?

Ирма колебалась, и в беседу вмешался Мейер:

– Очень большой шанс. Каждый приход кодируется номером крупье и временем получения ставки. – Он покосился на женщину. – Тебе много ставили в пятницу вечером на «Доджерс» по две тысячи?

– Никто, кроме Тони.

– Тогда все в порядке. – Мейер обратился к Босху: – Начнем проверять с вечера пятницы. Если выигрыш мистера Алисо забрали, мы будем знать когда, и у нас будет видеоизображение того, кто это сделал.

Из всех работников казино, с которыми разговаривал Босх, Ирма единственная называла Алисо по имени. Ему хотелось спросить, не было ли в их отношениях чего-нибудь большего, чем прием ставок на спортивные команды, но он понимал, что казино запрещает служащим встречаться или устанавливать дружеские связи с клиентами. Немыслимо задавать подобный вопрос при Мейере и ждать откровенного ответа. Решил, что найдет Ирму позже, и закончил допрос.

Он взглянул на часы: до совещания с Биллетс осталось сорок минут. Босх спросил у Мейера:

– Есть возможность посмотреть запись камер слежения в зале для игры в покер за четверг и пятницу? Хочу увидеть, как он себя вел.

– Да, – отозвался Мейер. – Пленки готовы. Я же вам говорил, мы стремимся к полному сотрудничеству.

Они покинули кабинет и направились по коридору в аппаратную. В помещении царил полумрак и было очень тихо – только гудел кондиционер. В два ряда располагались шесть консолей с шестью мониторами на каждой. За ними сидели мужчины в серых блейзерах и наблюдали за экранами. На экранах Босх заметил игорные столы с разных верхних точек. Все места наблюдателей были снабжены электронными пультами управления, позволявшими изменять фокус и степень приближения объективов камер.

– Если надо, – прошептал Мейер, – они могут подсказать, какие у кого на руках карты. Потрясающе.

Он проводил Босха в кабинет начальника аппаратной. Там тоже стояло видеооборудование и высились горы кассет. За столиком сидел мужчина в таком же, как у остальных, сером блейзере.

– Кэл Смольц, – представил его Мейер. – Он здесь главный. Ну как, все готово?

Смольц указал на один из пятнадцатидюймовых мониторов:

– Я приглашал сдающего, чтобы он определил того, кто нам требуется. Он пришел в четверг в восемь двадцать и играл до одиннадцати.

Смольц включил пленку. Она оказалась черно-белой и зернистой, как из камеры видеонаблюдения «Арчуэй», но была снята в режиме реального времени. Запись началась с того, что распорядитель провел к свободному месту за столом человека, в котором Босх узнал Алисо. Распорядитель нес стопку фишек, затем опустил их на стол. Алисо обменялся улыбками со сдающей – эту женщину Босх уже допрашивал, – и игра началась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.